

Олег Охапкин

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Союз писателей России
Санкт-Петербург.
2013

*Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга*

Олег Охепкин. Любoвная лирика / Составитель Татьяна
Ковалькова — СПб.: Русская культура. Союз писателей России,
2013. — 128 с. — 6 ч/б илл. ISBN 978-5-905618-03-1

«Простоте заглавия книги Олега Охепкина соответствует её чистота и глубина, качества столь необходимые современному искусству, стремительно их утрачивающему. Лирическая в зародыше, но торжественно повествовательная по приобретённому с годами облику, стихотворная речь Охепкина органически выражает себя как раз в его любовной лирике — с её старинной величавостью, под которой, конечно, эротический «хаос шевелится», но наружу мутной пеной не выплёскивается. Гул давней русской поэтической речи довлеет себе — словно бы громогласный строй державинской оды, смягчённый последующим сладкогласием элегий Батюшкова, величаво докатился до нашего времени.

Поэзия Олега Охепкина в высоком смысле слова поучительна. Не назидательна, а именно поучительна. Она позволяет надеяться, что и сегодня сквозь юдоль лирического существования возможен прорыв к сияющему Небесному Граду».

Андрей Арьев

В оформлении книги использованы фотографии Бориса Смелова, Ксении Охепкиной, Александра Дударева, Павла Козионова, Александра Завьялова.

ISBN 978-5-905618-03-1

9 785905 618031

© НП «Международная ассоциация «Русская культура», 2013
© Союз писателей России, 2013
© Ксения Охепкина, обложка,
иллюстрации, 2013

ОДНИМ ТВОИМ ЛИШЬ ДИВНЫМ ВЗДОХОМ Я НАЗЫВАЮ ЖИЗНИ ИМЕНА...

«Любовная лирика», стихи о любви? Нет, нет и нет. Всё, что написано Олегом Охепкиным с 60-х годов прошлого века до конца нулевых этого, — варианты любовных признаний или любовных посланий таинству жизни, и женщина как объект любовного чувства, скорее является в этих вариациях подобием Мадонны — прекрасной и безгрешной, исполненной любви, но лишённой греховного аромата. Это предощущение Божественного Эроса. В ранних стихах поэта любовь растворена в воздухе, в весеннем городском пейзаже, в «сумбуре и сутолоке» окружающей жизни. Можно сказать, перефразируя известное выражение, что любимую играет город, как король играет свита. И удивительным образом легко и естественно, без театральных и «поэтических» эффектов, без тропов, сравнений и метафор, одним лишь простым определением — весенняя — рисует он портрет возлюбленной на фоне пейзажа. А пейзаж, отражённый в глазах возлюбленной, вмещает и «дерев качание и влажный неба свис». Вот это «движение в видах», быстрое перемещение «точки зрения», «угла обзора», взгляд всеобъемлющий — сверху, снизу, удаление и приближение объекта и адресата, уже в этих стихах свидетельствует о могучем, независимом и уникальном таланте Олега Охепкина. Да, в них, ещё юношеских по манере и эмоциям, прочитываются и Пастернак, и Пушкин, и Мандельштам, но прочитываются на том высоком уровне, который задал Тютчев — «всё во мне и я во всём». Поэтому легко и естественно, не в качестве атрибутики или поэтической орнаментики, являются в этих стихах христианские мотивы. «Тишайший день субботний», «в алтаре свеча» отсылают нас к светлому празднику Пасхи, к тонкой контаминации двух тем — спасения Бога-сына и спасения души христианина, поэта, переживающего возрождение в любовном чувстве.

С течением времени лирическое чувство обретает не только новый голос, но и новый взгляд на предмет восхищения — взгляд острый и точный, мужской, страстный, но... Но откорректированный глубиной погружения в мировую культуру. Мы через стихотворный текст постигаем «магический секрет» искусства, секрет преображения человека во плоти в духовный объект, артефакт.

Особенность стихотворного дара Олега Охепкина — яркая визуализация словесного образа, яркая настолько, что читатель словно бы присутствует не при рассматривании портрета возлюбленной поэта, но почти что пишет, творит этот портрет, творит любовью новую реальность:

Зачем гляжу на твой портрет
Мне этой мысли не осилить.
Но здесь магический секрет
И линии перекосились,

И всё тревогой смещено:
Плечо, рукав, щека и шея,
И ясно так освещено,
Что прядь волос на лбу рыжеет.

Здесь ожил чёрно-белый тон.
На горло тень от подбородка
Легла, как бы неслышный стон,
И труден этот вздох короткий.

Его стерпеть неумоготу,
В тоске читаю, как по нотам,
Прекрасной шеи наготу
За душным плаття отворотом.

И каждая твоя черта
В моих руках берёт начало.
Такую тишь читать с листа...
Всегда бы так со мной молчала!

Но за тобой такая мгла,
Не втиснуться в неё, не влиться,
И если бы душа могла,
Она б в ней высветила лица,

Она бы вылепила их —
Всех тех, кого в других не видим,
Ведь там, среди любимых, тих,
Стоял и я, почти невидим.

В этом стихотворении кроме видимого и постижимого есть ещё один план, надмирный, метафизический. Мир, в котором мгла таит иное знание, иное состояние и возможность для настоящего поэта пребывать сразу в двух измерениях. Вот это «умножение миров», взгляд за пределы видимого мира преобразует текст, расширяет границы его смыслов. «Магический секрет» этого стихотворного текста в переплетении, сращивании, схлестке страстного любовного посыла: «в тоске читал я как по нотам прекрасной шеи наготу за душным плаття отворотом» и «непостижного виденья»: «но за тобой такая мгла, не втиснуться в неё, не влиться...».

Для творческой манеры Олега Охупкина характерно «системное письмо», то есть обращение к близкой образной системе в нескольких стихотворных текстах. Так к цитируемому тексту и его особенности тяготеет и ещё одно стихотворение этих лет:

Когда глядел я на тебя
И предо мной ты, как в киоте,
Молчала, книгу теребя,
Мерцало небо в позолоте.
Там шла вечерня облаков,
И доносилось из-за окон
Глухое пение стихов,

И солнце жгло твой рыжий локон.
И всю тебя прошла насквозь
Весны вечерняя молитва.
А в окна дерево рвалось,
И там в ветвях кипела битва.
А на руках твоих закат
Сгорал дотла, желтей огарка,
И скат плеча был так покат,
Как будто ты — сквозная арка.

Тогда я вглядываться стал
В твои черты, в лицо живое,
И кто-то нас перелистал,
Как ветер ветви над землёю.
И мне запомнилось одно:
Твоя щека искала встречи,
Клонилась грудь, молились плечи,
Ломилось дерево в окно.

Эти два стихотворения с единой образной системой, с тонким переплетением чувственного и эстетического, свидетельствуют о глубине лирического чувства поэта опосредовано, через стихии и дыхание Божьего мира: «и кто-то нас перелистал, как ветер ветви над землёю». Это несомненные шедевры лирики XX века.

Обычное человеческое любопытство заставляет нас попытаться, кто адресат лирического стихотворения, кто муза поэта?

Вот фрагмент очерка Валерия Мишина:

«... Жена, подруга, любовница, незнакомка (Крамской, Блок), натурщица (Модильяни), эфемерное мифическое существо, собутыльница с Московского вокзала, секретарь-машинистка, курсистка, девушка по вызову, чужая жена, языческая богиня, монашка?...

Чтобы не путаться в догадках, я решил обратиться за помощью к Олегу Охупкину, одному из самых ярких петербургских поэтов не только 60–80-х, но и по сей день. Олег жил тогда в двухкомнатной коммуналке на 4-й Советской.

Олег зачитал подборку новых текстов по тетради, и я попросил прочесть несколько старых.

— Сейчас... Думаю: на чём остановить память... Вот.

Он прочитал «Когда глядел я на тебя» и «Зачем гляжу на твой портрет?»

— Кому они посвящены?

— Александре. Она была рентгенологом.

— Как ты с нею познакомился? Делал рентген грудной клетки или у тебя заболел зуб?

— Она работала в кабинете флюорографии в районной поликлинике. Я пришёл и обратил на неё внимание, стал писать о ней стихи. Был ноябрь 66-го года.

Она приняла мои ухаживания и это длилось несколько лет.

— Александра была твоей Музой?

— Нет, скорее Дамой-вдохновительницей.

Я не провоцировал Олега прочитать эти стихи, но удивительно, что он прочёл именно их.

Стихи, не имеющие аналогов в русской лирике. Никто не поднимался так высоко, обожествляя возлюбленную, обыденную, конкретную. Мы знаем: её звали Александра».

Эта беседа была записана незадолго до ухода поэта из жизни и, при всей конкретности и точности ответа на вопрос об адресате посвящения, не объясняет тайны превращения женщины из плоти и крови в прекрасную Беатриче или Суламиту.

Тайна остаётся непознанной. Или мы не можем постичь воплощения в слове того, что дано восчувствовать поэту. Попробуем ещё раз вслед за ним увидеть образ Любви:

Развилася душа, как древле свиток
В руках у растворённой Суламиты,
И письма горят. Любовь моя!
Тебе, одной тебе грёз преизбыток!
Смотри, насколько мы с тобою слиты:
Не различу где ты, где мы, где я.
Твои уста — уже мои глаголы.
Объятия — плен языческой Валгаллы.
И вся ты — необъятность всех имён,
Какими человек венчает доли,
Моря и реки, небеса, прогалы,
Холмы и дали, глубину времён.
И звёздна вся необозрима бездна
Меж нас вися, сжимается издохом,
В котором эта речь помещена.
И что мне в том, что жалость безвозмездна,
Когда одним твоим лишь дивным вздохом
Я называю жизни имена!

Это первые строфы из цикла «Семь песен единой песни», входящего к великому «первотексту» любовного посвящения — библейской «Песни песней». И так же, как величие и всеохватность текста библейского царя Соломона, делает для нас малозначимыми биографические подробности жизни смуглой Суламиты, сторожившей его виноградники, но не уберёгшей своё сердце от любви, так и лирические стихи Олега Охупкина не требуют реального комментария, потому что Любовь в них боговдохновенна. Это любовь, которая растворена в мироздании, и она способна обретать любые имена, оставаясь Единой песней.

Цитируя стихи поэта, мы позволили себе в нескольких случаях не вырывать из контекста отдельные строфы, а привести их полностью. Это сделано преднамеренно — высокий накал лирического чувства в этих стихах и их совершенство достойны того, чтобы столкнувшийся с ними ещё в предисловии к книге читатель, искал дальнейшего развития темы, перелистывая страницу за страницей.

Тамара Буковская

КОНЕЦ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Я верую в спасенье,
В тишайший день субботний,
Когда тебя, весеннюю,
Я жду у подворотни.

Кругом сумбур и сутолочь:
Машины, люди, зданья,
Но в тишину укуталась
Минута ожиданья.

Она легонько тикает,
Невнятно лепеча,
Певучая и тихая,
Как в алтаре свеча.

И в этом ясном пламени
Лицо и голова,
И набережной камни
Озарены едва.

В глазах — дерев качанье
И влажный неба свис,
И всех молитв нечаянней
Заплаканный карниз.

С утра, капелью звякая
О чёрный диабаз,
Весна зеркальной склянкою
Порадует твой глаз,

Когда сойдешь, вечерняя,
Мглы сумерек свежей
В неоновом свеченье
Преданьем этажей.

Мы шли по городу сквозь сон.
Фонтанка, помню, за плечами.
Нас фонари впотьмах сличали
И встречной лужи взгляд косой.

Шёл дым неоновую мглой.
Пространство теплилось туманом.
Фонтанка небо подымала.
Оно на плечи волн легло.

Шёл теплый вечер тьмой в пальто
С овчаркой шорохов и всплесков.
Шли провода прозрачной леской.
Был напряжён неслышный ток.

Мы шли. Нам было всё равно:
Углы, проулки, повороты...
Шла ночь из каждой подворотни.
Такси спешило стороной.

Одно осталось: ты была.
Твоя рука в моей теплела.
Лишь помню: шёл туманом слева.
Ты над Фонтанкой мглой плыла.

Что неслышно творится во мне,
Это всё происходит в природе.
Видишь, сердце светлее вдвойне?
Это солнце любви на восходе.

Вот уже я разбужен с утра
Небывалой тревогой в полнеба.
Это сила земли. Как щедра!
Это знак, что мы счастливы оба.

По верхушкам пустых тополей,
По ветвям их, как пальцы по струнам,
Ветерок пробуждённых полей
Пробежал чудотворным перуном.

И такая стряслась тишина
В этот творческий миг прорастанья,
Что душа, как свеча зажжена,
Не мигнет после сна и восстанья.

Как назвать Вас, любимая?
Это слово свершилось во мне.
Это стало как свет над водой.
Слишком ранний рассвет.
Ещё не было глаз, чтобы видеть начало.

Как назвать Вас, любимая?
Вечереет воскресный мой день,
И всемирные сумерки там во дворе
И грустней, и точней,
Чем любые стихи, что в тоске написали поэты.

Как назвать Вас, любимая?
Меркнут влажные поросли веток в окне.
Меркнет долгое облако над тополями в зените.
И дома коченеют в тиши над Фонтанкой.

Так пишу Вам.
И в сумерках кажется мне:
Это всё — тишина между строк.
Вы поймёте её без названья.

ПОСЕЩЕНИЕ

В час, когда, небывалая, с этажей Вы сойдёте на улицу,
Это будет в начале девятого вечером нынче,
Грусть моя воплотит меня грёзой крылатой души.
И в тоске непонятной, в предчувствии

медленной ночи

Я замечу карнизы и дремлющих там голубей.
И зажгутся подсветки, наметив старинные грани
Полуарок, порталов и шпилей кирпичных громад.
И почувствую крылья. Немеют сведённые плечи.
Бесконечно продроглый, сутулый в сыром пальтеце,
Я дохну в темноте на свои побелевшие пальцы,
И услышу в душе: за спиной шевельнулось крыло.
Не узнав, а, скорее угадав приближение Ваше,
Что-то разом постигнув, как боль,

точно хлынувший свет,

Я уже полечу к Вам, и крылья мои — это радость.
И тогда никому у меня этот миг не отнять.
Вы же сбудетесь так же, как это случилось впервые.
Так бывает, мы слышим как будто судьба позвала.
Мне почудятся ритмы стихов, сумасшествий, наитий.
И внезапно пойму: их не надо. Здесь Муза была.

Сегодня солнечный денёк,
А завтра что-нибудь да будет.
И вот любовь на огонёк
Придёт и счастье раздобудет.

Какая гостя к нам в сердца!
Какое солнечное чудо!
Да будет сердца свет повсюду
И солнце не сойдёт с лица!

Ау! Красавица... Ау!
Какой денёк меж нами блещет!
Оснежен счастьем наяву,
Он каждой льдинкою трепещет.

И в этой охлаждённой мгле,
Просвеченной светилom счастья,
И нашей нежности участие —
Свет на сверкающей земле.

Когда глядел я на тебя
И предо мной ты, как в киоте,
Молчала, книгу беребя,
Мерцало небо в позолоте.

Там шла вечерня облаков,
И доносилось из-за окон
Глухое пение стихов,
И солнце жгло твой рыжий локон.

И всю тебя прошла насквозь
Весны вечерняя молитва.
А в окна дерево рвалось,
И там в ветвях кипела битва.

А на руках твоих закат
Сгорал дотла, желтей огарка,
И скат плеча был так покат,
Как будто ты — сквозная арка.

Тогда я вглядываться стал
В твои черты, в лицо живое,
И кто-то нас перелистал,
Как ветер ветви над землею.

И мне запомнилось одно:
Твоя щека искала встречи,
Клонила грудь, молились плечи,
Ломилось дерево в окно.

ПОРТРЕТ

Зачем гляжу на твой портрет
Мне этой мысли не осилить.
Но здесь магический секрет
И линии перекосились,

И всё тревогой смещено:
Плечо, рукав, щека и шея,
И ясно так освещено,
Что прядь волос на лбу рыжеет.

Здесь ожил чёрно-белый тон.
На горло тень от подбородка
Легла, как бы неслышный стон,
И труден этот вздох короткий.

Его стерпеть не вмоготу,
В тоске читаю, как по нотам,
Прекрасной шеи наготу
За душным платьем отворотом.

И каждая твоя черта
В моих руках берёт начало.
Такую тишь читать с листа...
Всегда бы так со мной молчала!

Но за тобой такая мгла,
Не втиснуться в неё, не влиться,
И если бы душа могла,
Она б в ней высветила лица,

Она бы вылепила их —
Всех тех, кого в других не видим,
Ведь там, среди любимых, тих,
Стоял и я, почти невидим.

В ГРОЗУ

О твоём отчаянье не стану
Спрашивать. Оно во мне.
За тебя, с тобой молчать устану.
Потемнеет облако в окне.

Вот уже и грусть легла на губы,
И темны твои глаза.
Будто высоко запели трубы,
В небе грянула гроза.

Вихрем пылевым растрёпан тополь.
Мчатся, мчатся облака.
Хлынуло. И смыло с листьев копоть.
И душа легка, легка.

Мы с тобой замешаны в стихию.
Этот ливень по моей вине.
Что я сделал! Молнии такие,
Будто с небом ты наедине.

На лице твоём прекрасном
Я тебя не отыскал.
И теперь во мне напрасном
Тишь, и горечь, и тоска.

Я приду к себе разбитый.
Подо мною скрипнет стул.
Будто кто от взора скрытый
Над душой моей вздохнул.

До того впотьмах прогоркло
Запустелое жильё,
Что в глазах моих намокло
И горчит лицо твоё.

За окном кусты, газоны,
Звёзды: Лебедь, Альтаир...
Подышу ночным озоном,
Погляжу на вечный мир.

Посижу, поотдыхаю,
Что-то вспомню невпопад,
И с надеждой, не тоскою
В завтра гляну наугад.

Там знакомые всё те же,
Чуть размытые черты.
Облака светлей и реже.
Это солнце. Это ты.

И пока я помню это,
Мне ещё видны вокруг:
И созвездья, и планеты,
И деревьев полукруг.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Как мало нам даётся быть вдвоём.
Любой из нас в любви недолговечен.
Ещё вчера твой голос был беспечен,
А нынче точно сдан тебе в наём.

Вчерашнего его — один мотив —
Деталь игры из музыки подробной.
Мир признанный всегда уже загробный.
Лишь в творчестве он остаётся жив.

Так образ твой давно пережитой
Я день за днём тревожно возрождаю,
Но никогда точь-в-точь не угадаю
Какою завтра ранишь красотой.

Дай волосы твои мне в пальцы вплесть,
Пока тебе я мил такой, как есть!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Ты умерла, хоть голос твой
Ещё ясней и звонче.
И весь твой вид прямой и злой
Сказал мне: сговор кончен.

Окончен краткий разговор,
И мир надолго начат.
И ты мертва уже с тех пор,
А я переиначен.

И вот никто теперь из нас
Друг друга не узнает.
Но кто с тебя не сводит глаз
И губ не разжимает?

Но кто же вдруг во мне воскрес —
Глядит тебе в затылок
И видит плеч распятых крест
И двух судеб развилки?

Он держит эти два плеча.
Ещё в объятьях руки.
И с губ слетают сгоряча
Слова сердечной муки.

Но он беспомощен, когда
Себе ты цену знаешь.
И надо чтоб прошли года —
Ты беззащитной станешь.

Целую прядь твоих волос
Растрёпанных и рыжих.
И яд прогорклых папирос
Едва мне слёз не выжиг.

Но задыхаюсь и курю,
Оболган и унижен.
И, как покойник алтарю,
Тебе я много ближе.

СРЕДИ ИЮЛЯ

Когда-нибудь, когда не станет нас,
Точнее: после нас, на нашем месте...

И. Бродский

Я начал жить по-новому. И вновь,
Как всё, что нам даётся не однажды,
Ко мне вернулась мирная любовь
К обычаям. Их повторенья жажда
Меня бодрит. И я, как в первый раз,
Когда ещё не знал в себе обмана,
Встаю чуть свет и зажигаю газ,
И грею чай, и принимаю ванну.

И всё идет обычной чередой.
Шуршу плащом, спешу на электричку
И, чтоб не быть наедине с бедой,
Вдаль не смотрю. Читаю по привычке
В вагоне переполненном, прижат
Спиной к стоп-крану. И мои лопатки
Колотятся о стену и дрожат.
И кто сорвёт стоп-кран в таком порядке!

А ввечеру, когда рабочий день,
День грузчика хребет мне переломит,
Бреду по городу — ни человек, ни тень —
И слышу: весь корабль скрипит и стонет.
И я опять рассеян и угрюм,
В очередях сам над собой вздыхаю,
В пивную кружку свесясь, точно в трюм,
Беззвучно матерюсь и чертыхаюсь.

А надо мной грохочут тополя
Матёрою листвой, и вся аллея
Со мной бушует, и хандра моя
Здесь на ветру самой природы злее.
Мы все родня деревьям по судьбе.
Но что в душе произрастает глухо,
Природа не таит в самой себе.
И льнешь к стволу. И ропот слышит ухо.

И невзначай к тебе приходит мысль,
Что это всё примерно так и было.
Была весна, деревья, кроны, высь.
Но ты, душа, их временно забыла.
Была весна. Я жил тогда в чаду
Вечерних встреч, вечерних разговоров,
Намёков, предвещающих беду,
Среди предчувствий — к расставанью сборов.

Она была со мною так добра —
О будущем ещё не говорила,
И если даже знала, что пора,
То медлила и всё ещё дарила.
И мы следили из её окна
Рост тополей, зелёную их дымность,
Движение туч, пока была видна
В той постепенности её необходимость.

И за столом у газовой плиты
Мы в тишине курили непрерывно.
Но кто-то нам мешал из темноты
Смотреть в глаза друг другу неотрывно.

И видел я: чернели деревья,
И в сумерках слепых смеркались крыши,
Внезапный дождь тревогу прерывал,
И капли грызли тишину, как мыши.

Когда-нибудь любовь на месте том
Соорудит без нас, на нашем месте
Не наш уют, коль не снесут и дом,
И то, что в нём. Тогда по скрипу жести —
Там на карнизе — юная чета
Поймёт, что здесь не то чтобы нечисто,
Но как-то жутко, как-то неспроста
Скрипит карниз, когда не слышно свиста.

Там в проводах за окнами, когда
Не то чтобы ненастье — непогода
Среди июля: ветер ли, вода
На крыше... Нет, не то чтобы природа —
Она молчит, она понятна... Нет,
Нет, не она, но человек грохочет
Карнизом — несквозимый силуэт...
Ах, видно жить никто там не захочет!

Моя ли тень? Любовь моя, скорей —
Душа придёт на место, где и стены
Её уж не узнают. Водогрей
Всё так же будет капать. Наши тени
Всё так же будут пить вечерний чай
Друг против друга, но уже чужие.
Лишь дерево нас выдаст невзначай,
Что мы себя, не стены пережили.

Когда-нибудь на месте, где любовь
Пережила сама себя, где прежде
Цвела ботва, душа найдет морковь
И прочие редиски. Что ж, надежде
Есть время подвести такой итог!
Но оправдает нас одна лишь вера,
Что каждый был настолько одинок,
Что из судеб судьбы сложилась мера.

Но всё прошло. Весна вошла в июнь.
Прошёл и он. Теперь скудеет лето.
Мир стал иной. Везде, куда ни плюнь,
Разгаданность и прошлого приметы.
Вот уголок, где мы, ещё вдвоём,
Склонясь под зонт, в церковную ограду
Протиснуться пытались под дождём.
Он гол и пуст уже неделю сряду.

Калитки нет. Ограда снесена.
Расшит забор. Собор среди ночи взорван
Был. К счастью, не видела она
Развалин тех. Но я пристрастным взором
Всё осмотрел. И вот на месте том
Теперь пустырь. Когда-то освящённый
Храм заменён простором. В холостом
Пространстве — звон, едва ли запрещённый.

И сам не свой, я вслушиваюсь в гул
Колоколов под куполом бездонным
И вход ищу... Но предо мной — прогал —
Нора метро с нутром твердобетонным.
Смущён, шепчу под нос про чудеса
И вдаль гляжу. Над площадью безгромный
Июльский дождь на час — на полчаса —
Весь небосвод несущийся, огромный.

И гаснет даль. Так привыкаю жить:
Вдыхать озон, любить траву, газоны,
Сучить и длить гнилую эту нить
И заново подыскивать резоны.
И начал вновь. Я сизнова люблю
Старинных ход вещей: круги, повторы...
И в кругосветный сон, подобно кораблю
Пускаясь, помню берега и горы.

ОКТЯБРЬ

Ты знаешь, Делия, я снова жив-здоров,
Хожу гулять и радуюсь погоде
И ясной осени, что вот уже Покров,
По-старому — сентябрь на исходе.
А осень хороша как никогда,
И по утрам ещё тепло, как летом,
Но могут вдруг нагрянуть холода
И тополя стоят полураздеты.

Короче, я привык уже к беде,
К тому, что с неба улетают птицы.
И жёлтый лист кружится на воде,
А я брожу по брошенной столице,
И предо мною вечный Петроград:
Кораблик в облаках на крепком шпиле
И бронзовый, тяжёлый чей-то взгляд,
И чьи-то кони, вздыбленные, в мыле.

Бывает, забреду и в твой район,
Где мы с тобой весной бродили вместе.
Там на меня глядят со всех сторон
Знакомые дома на старом месте.
Я раньше их почти не замечал,
Теперь стою над ними чуть не плача,
И, точно лодка бьётся о причал,
Припоминаю то, с чего я начал.

Тогда ещё не знал я, что врасплох
Друг друга сердцем постигают люди,
Что в этой правде — Милостивый Бог,
Бог Истины, не знающей прелюдий.
И ты тогда могла ли это знать?
Ты на каток собралась в этот вечер.
Но с тем-то и даётся благодать,
Что нам о ней не завести и речи.

Вот и сейчас, когда я, как шальной,
Минувшее припоминаю снова,
Оно опять затмилось предо мной,
И мне о нём не вымолвить ни слова.
Но тяжелей, быть может, во сто крат
Увидеть вновь гранит родной Фонтанки
И стройный и старинный Ленинград,
Но чуть иной, за временем с изнанки,

И медленно взойти на этот мост,
Откуда дивный тот кораблик виден
Над городом, где дом твой в полный рост
Стоит, как встарь, торжественно обыден.
Но эту грань уже не перейти.
Здесь по Гороховой метёт осенний ветер.
Твоих следов не встречу на пути,
И ты не дичь, и я, увы, не сеттер.

А без тебя нельзя мне в этот дом.
Там всё не то: деревья, двор, ограда...
Там небо голубым блистает льдом
И тополя в разгаре листопада.
И ухожу куда-то наугад.
Но в проходном дворе, где мы весною
Однажды шли, вдруг обернусь назад
На чей-то зов под аркою сквозною.

И мне в лицо дохнёт сырой сквозняк.
И, точно крик из чёрной подворотни,
Внезапный голубь — бешеный ветряк —
Расплещет свет и мрак переверотит.
И так легко и холодно кругом,
Такой покой, уже непобедимый,
Что некуда и незачем бегом,
И я стою, как прежде, невредимый.

О, Делия моя, мы в октябре!
И как поправить то, что совершенно!
Бессмертье начинается в добре,
А осень исполняет то, что бrenно.
Так мы с тобой напрасны, как листва
Зелёная уже не по сезону,
И нет для нас такого колдовства,
Чтоб не лететь, как листья, по газону.

Не знаю, где пристанище теперь
Находят на земле живые души.
Я слышал, что была такая дверь
Во Царствие... Но путь туда разрушен.
Так будь всё той же в памяти моей,
Как этот мир — немеркнувшее царство,
Которое, чем горше, тем верней —
Причастье, чудотворное лекарство.

Пускай не мне дарован листопад,
Сверкайте, клены, в золоте и солнце!
Моя душа умножит этот клад.
Звените на ветру, берёз червонцы!
Я вновь богат. Прощай, любовь моя!
Простимся, дым надежд, без сожаленья!
Не то что в вас разочарован я,
Но время шло, и отошли растенья.

Дождливый снег. Тоскливая пора.
Греми, ноябрьская слякоть!
Я простою на дне двора.
Дождины в лужи будут звякать.

И пусть за ворот мой ручьём
Простуда грустная прольётся!
Мне дом как храм тобой вручён
В бреду дворового колодца.

Сюда, как нищий, прихожу —
На паперти стою и плачу.
Какому крикну этажу
Что участь не переиначу!

ПЕРЕД ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

1.

Есть некий дом. Не дом, а храм.
Сей храм в Сионе, на Фонтанке,
С мемориальностью в осанке,
Открытый звёздам и ветрам.

Туда ходил я по следам
Одной прелестной иностранки,
Там во дворе рыдал по пьянке,
Расстроенный, молился там.

Я прихожу туда, смущённый,
И пульс колотит учащённый,
И становлюсь, как прежде, свят,

И зрю: под куполом парадной
На штукатурке безотрадной
Я вновь невидимо распят.

2.

Я вновь, оболган и распят,
Молюсь в заплёванной парадной,
Где роспись гроздьёю виноградной
Из-под побелки смотрит в сад.

Там за окном деревья спят
В тиши осенней и прохладной.
Там кошка поступью балладной
Обходит двор сто раз подряд.

И, одинокий у колонны,
Я бью неистово поклоны
Перед квартирой 25.

Там женщина, моя святыня.
Она взяла чужое имя.
Но мне молиться, не пенять.

3.

Приду по мысленным следам
Души в район родной Фонтанки
Искать нетленные останки
Любви, которой не предам.

Любовь... Не помню счёт годам.
Но иногда сочит из ранки.
Тогда сильнее нет приманки,
И всё за встречу с ней отдам.

Забуду мать, заброшу лиру,
Пойду звонить в алтарь-квартиру.
Звони, как колокол, звонок!

Плыви, мой благовест, над бытом!
Провой на языке забытом:
Воскресни, друг, я одинок!

4.

Есть в Ленинграде дом старинный
С мемориальной доской.
Я прихожу к нему с тоской,
Как ходят в храм с душой повинной.

Но сей рассказ не самый длинный.
Я не нарушу ваш покой.
Не возражайте же! На кой!
Мне дорог некий дом пустынный.

Там на небесном этаже
(С тех пор он третьим стал уже)
Жила красавица. Мой Боже!

Её сосватал муж-спортсмен.
Но это всё не суть, но тлен.
Она досталась мне дороже.

ДЕЛИЯ

Ты, Делия, не в силах утолить
Любви моей. Я это горько понял
Давным-давно. Зачем же ты, мой друг,
Пришла ко мне сегодня? Что и прежде,
Прекрасная, ты смотришь на меня,
Как будто боль свою припоминая,
И вызываешь в памяти моей
Страданье о несбывшемся, о счастье
Владеть тобой, страдание о том,
Чему названья нет, страданье двух.

Мне снилось нынче, будто мы с тобой
Лежали в темноте в моей постели,
И я сквозь сон не мог тебя обнять
И бесполезно силился очнуться,
Но всё не мог с собою совладать,
И не кончалось это наважденье.

А за окном маячила луна
И небеса в ковше своём качались.
Но перед миром наша нагота
Была чиста, когда я, изумлённый,
Вдруг различил твою нагую грудь.
Она мерцала отражённым светом,
Как перламутр, и матовый сосок
Жемчужиной казался драгоценной.
Я мучился, как будто наяву.

Кто мне укажет, где граница яви
И ясновиденья, когда в глубоком сне
Мы видим то, что заменяет нам
Последующий опыт. Этой муке
Едва ль послужит освещеньем грусть.

Так мы с тобой, припомни, милый друг,
Однажды шли, гуляя по Фонтанке.
Твоя рука тогда ещё в моей
Покоилась ладони, ты тогда
Ещё не знала о своем бессилье
Унять мою ликующую кровь
И боль, и неуёмность обожанья.
Тебя томила женственность твоя,
И я дышал восторгом от рожденья,

И потому я знал уже о том,
Что наша связь — неплотное сплетенье
Влюблённых рук — меня не утолит,
Как всякое дыхание прервётся,
И не дано нам жизнь свою продлить
Хотя бы на день... Что ж сказать о страсти!
Она в тебе таилась и росла.
Но к сожаленью, всё, что прорастает,
Цветёт недолго. Ты же, как цветок,
Неистребима, если выждать время,
Когда опять наступит твой черёд.

Так вот. Мы шли с тобою вдоль реки.
Я вёл тебя к развязке. Ты дышала
Стеснённо и прерывисто, а я
Пути не видел. Сколько заблуждений
В очарованье чувственном, когда
Рука прелестная сквозь тонкую перчатку
Чуть слышно отвечает на пожатье
Дрожащих пальцев, медлящих в игре!

ПРОЩАНИЕ

Но это всё меня не убедит.
Я не запомню клятв и обещаний,
Сорвавшихся в восторге, как стихи
Талантливо неопытных поэтов.
И в этом — всё искусство обольщения.
Но есть ещё другое торжество,
Иная власть, иное вожденье:
Печаль о том, что друга не сберечь.
И эта боль себя самой причина.

Я всё сказал. Ты, Делия, была,
Осталась и останешься (кто знает!)
Невысказанной целью для меня —
Моим неизлечимым и нелживым
Предчувствием бессрочно пережить
И утолить мучительное тело,
Пока не насладится этот слух,
Пока не воплотится это зренье
И не продлится вечный поцелуй
На каменном лице моём усталом.

Не печалься, не плачь, не грусти!
Не гляди за окно одичало!
Подари мне хоть ленту в горсти!
Повторить бы опять всё с начала!

Что ж ты хмуришься? Милая, брось!
Ты светлее и тише, и проще.
Отчего ж твои волосы — гроздь
Горьких искр из рябиновой рощи?

Отчего же в прекрасных очах
Отдалённая дикая осень,
Будто сумрак живой при свечах
На лицо твоё охру набросил?

За окном от заката желтит,
И в глазах у тебя вечереет.
И неслышное время летит
Всё быстрее, быстрее, быстрее...

Я такое в тебе замечал,
Что туманилось тихое око.
Отчего же твой образ — печаль,
Отражённая в сердце глубоко?

В красоте твоей нету мазка
Искажённого мукою в женстве.
Задержись, задержись у виска
В окаянном твоём совершенстве!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1.

Если мы с тобой не простились прежде,
Значит, были сроки пройти надежде,
Значит, был мне свет в простодушной вере,
Не темнила ты, но, по крайней мере,
Твой упорный взгляд, осветлённый болью,
Иногда сверкал торжеством, любовью,
Значит, было мне насладиться время,
Ибо память губ — золотое бремя.

2.

Если мы с тобой не простимся ныне,
Не меня вини, но мои аминь.
Помешает нам разговор без страсти,
Ибо даже слово не в нашей власти,
Ибо день прощанья не в нашей воле,
Всё, что я мелю, не играет роли,
Даже если брякну: Прощай навечно! —
Утверждать такое — всегда беспечность.

3.

Обещать навеки — всегда нахальство.
Да простится мне эта ложь и хамство!
Я такое нынче тебе сморозил,
Что не врал Хафиз незабвенной розе.
Не потерпит Муза в стихах такого.
Да и нам с тобой надо лгать толково!
Обещать встречаться раз в год, к примеру,
Иль ещё какую слепить химеру.

4.

И тогда, быть может, нам станет проще
Почитать друг в друге святые мощи
Нашей вечно затхлой нетленной скуки,
Что зовётся в массах тоской разлуки.
И тогда, быть может, пойдем с тобою,
Что уже нельзя нам с любим, с любюю,
Что уже всегда это будет ложью...
Но давай простимся по слову Божью!

5.

Но давай простимся! Не это ль — мука?
Всё, что я мелю, говорит разлука.
А её саму ты услышишь позже —
В час молчанья, в миг, на печаль похожий.
Это будет день многолетней грусти.
Но сама любовь нас в ту дверь не пустит.
Но сама разлука — разлука-встреча
Не простит обоим былые речи.

6.

Что скрывать, когда это было, было!
Временами ты улыбалась мило.
Не меня — себя ты во мне жалела,
Но, увы, не душу — чужое тело.
Что мне в том, если эта твоя личина,
Как бы всё, что ценит в любви мужчина,
Как бы всё, что знает о бабе хахаль, —
Лишь солёный скетч, анекдот, спектакль!

7.

Что мне в том, если шея твоя прекрасна,
Если я кобенюсь не столь пристрастно,
Если ты в печёнке моей засела!
Это всё сейчас отвлечёт от дела.
Надо помнить боль. Я пришёл проститься,
Потому что всё это может длиться,
Потому что страсть неспроста — растрava,
А на это я не имею права.

8.

Дай мне право длить этот ход событий!
Мы не можем в сердце своём судить их,
Ибо всё, что с нами однажды будет,—
Это боль о прошлом, она и судит.
Так и мы с тобой над собой заплачем,
Оттого, что день, коли был назначен
День свиданья нам, этот день случайный
Обратится в ночи обряд печальный.

9.

Но давай простимся! Моё посланье
Надоело мне. Всё равно вниманья
У тебя не хватит прочесть и это,
Я же до сих пор не постиг секрета,
Как писать, чтоб грусть не мешала сути.
За окном весеннее почек вздутье,
С каждым солнцем небо заметно выше,
Как душа с годами, ясней и тише.

10.

Я смотрю в окно и ликую втайне:
Чем печальней быт, тем весна случайней,
Сокровенней сердце, дыханье чище,
Веселей свобода, вкуснее пища.
Я пойду на кухню, лицо умою.
Но вначале, слушай, давай с тобою
Мы простимся лучше, пока прекрасен
Этот миг и слог мой высок и ясен.

11.

И пока на снег поглядеть не поздно.
Ни к чему горячку пороть нервозно.
И пока на солнце глядеть не жутко,
Я могу расслышать сигнал рассудка.
Так всегда бывает в момент разрыва.
Кто-то рвет поводья, смеясь игриво,
И уже потом, утомлённый, плачет,
Оттого что конь никуда не скачет.

НА ПАМЯТЬ ДЕЛИИ

Ты, Делия, меня не вспоминай!
Давно не тот я. Вовсе не влюблённый.
И зол, и мрачен взгляд мой воспалённый.
Не различу в тоске, где ад, где рай.
Лишь временами обо мне узнай!
Тебе расскажут анекдот солёный.
Но, памятью твоею просветлённый,
Запомни: свят я, чем ни запятнай.

Но, ангел мой, хоть изредка читай
Послания любви столь сиротливой,
Что милых женщин вздох самолюбивый
Сольётся с грустью, как я ни витай.
Когда-нибудь меня перелистай,
И ты услышишь голос мой счастливый,
Пусть иногда простуженный, гугнивый,
Но не поддельный, с чем ни сочетай.

Ещё прошу: в колодец мой не плюй!
Не говори: он затхлый стал и мутный.
Быть может, тёмен лик мой бесприютный
И неказист, но ты о нём тоскуй!
Он — зеркало. Красавица, минуй!
Протри его, и ты увидишь ртутный
Серебряный проём, и в нём минутный
Дым образа... Смотреться ж не рискуй!

С тех пор, как твой последний поцелуй
Опередил мой вымысел детальный,
Я закурил, и этот жест ментальный
Стал продолженьем слёз, чем ни колдуй.
Следы дождя и чуть солёных струй,
О, Делия, прости мне тон brutальный,
Любовь преобразила в миф хрустальный,
В дым папирос, как на него ни дуй.

Да, что ещё... Я, кажется, забыл.
Но что? Напомни мне лет через десять!
Кто знает, не случится ль это в месяц
На Троицу... Судьбу я перебил
И спутался. Я вспомню, что любил
Одну тебя. Мы вспомним это вместе.
Ах, как идёт любовь тебе, невесте!
О, Боже мой! И я любимым был.

Не дорог мне воспоминаний бред.
 К чему тужить и жить себе во вред?
 О чём болеть, о чём ещё жалеть,
 Когда так мало надобно иметь?

 Была любовь. Но вот свободен ты.
 С тебя довольно новой наготы.
 Была тоска. Простыл и этот след.
 Каких ещё тебе накаркать бед?

 Живи себе!.. — Живу себе, живу...
 О чём же, Боже, грезить наяву?
 О чём, скажи, о чём ещё скорбеть,
 Когда так просто вовремя стареть,

 Когда так тошно ведать наперёд,
 Что всякой лжи настанет свой черёд,
 Что всякой правде зла не оправдать,
 Ему дано собою обладать,

 Ему дано растленье, как бы в дар —
 Изведать ядом радужный нектар,
 И если злу никак не победить,
 Ему дано всегда бездарным быть.

 О чём же плакать, если этот мир
 Не знает, кто верховный командир
 И кем такой порядок заведён —
 Всем свой черёд — никто не обойдён!

Что о том ни говори,
 А на кладбище разлука
 Сокровенней, хоть умри,
 Чем любви живая мука.

 Та — вся судорога, дрожь,
 Нежной раны содроганье,
 Но её изнанка — ложь,
 Над душою надруганье.

 Эта ж чем-то так берёт,
 Что уже одно молчанье
 Говорит, что друг не врёт,
 Что настало разлученье.

 Что-то в ней заключено,
 Как в ларце слоновой кости.
 Вот старушка пьёт вино
 С молодыми на погосте.

 И лесная тишина
 Исполняется другою —
 Той, что в грусть погружена,
 Не даёт душе покою.

 С ней навеки разлучён,
 Ты ответа не добьёшься
 Оттого, что за плечом —
 Там, откуда не вернёшься.

 Там за гранью тишины
 С милой вечностью разлука —
 То, что нам тревожит сны
 Грустной музыкой без звука.

Это — времени крыло,
Улетающая лопасть.
На душе белым-бело.
Но пора калитке хлопать.

Под ногами твёрдый грунт.
Это — кладбище лесное.
И часы мои не врут,
И душа моя не ноет.

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Нет. Ничто уже не вернётся
Из того, что сердце заснит,
Разве голос какой отзовётся
Из невысохших в горле обид,

Разве дрожью волнение пробьётся
Сквозь лежалую горечи зыбь,
Точно бабочка к стеблю прибьётся,
Над болотом проухает выпь,

Точно солнце на ветке качнётся
И покатится молча туда,
Где под кочкой пропахла вода,
Где родник задремал — не очнётся.

Когда молчанье так сольётся с грустью,
 Что чудится — сама любовь пришла,
 Я знаю, то — стихи. Они и к счастью!
 В них нету зла.

И это — грусть и вдохновенье —
 То светофорное мгновенье,
 Когда молчанья ход становится размером,
 И тишина берёт измором
 Любой предлог души.
 И вот родник забил в глуши
 Заглохшего на миг волненья.
 И это — слово, откровенье,
 Молчанье вновь.

Теперь оно стремится к устью
 И тяготеет к захоластью
 Уже не пустошью, но грустью,
 И в нём — любовь.

В субботу это было, в новолунье.
 Никто из нас не колдовал. Колдунья —
 Сама любовь-волшебница. Она
 Велела нам поехать на прогулку.
 Не шляться же по городу без толку,
 Когда, быть может, августовский день
 Так ясен оттого, что осень скоро
 Отымет это всё: и это лето,
 И это солнце, и, быть может, где-то
 В неведомом грядущем отрешит
 И наши души друг от друга так,
 Как это и случается всё чаще,
 Чем год от году жизнь страшней и слаще,
 И оттого, чем горше, тем точнее
 И наше ощущение самой сути
 Её в неповторимости, в минуте
 Невзрачной, как бывает в будней смуте.
 Итак, мы сели в белый «Метеор»,
 И перед нами расступилось море.
 Всё было б, как всегда, на «Метеоре»
 В погожий день, когда б не cuore*
 Моей amico**. О своём... Ну, что же,
 Оно и у меня, наверно, схоже
 С любим из самых простеньких. Бедняжка,
 Оно стучало весело и тяжко
 В одно и то же время, что у милой.
 Я так сказал, и это так и есть.
 Она же, *deliziosa signorina****,
 Была со мной готова до Берлина,
 Не шелохнувшись, храбрая в тот миг,

* cuore (*итал.*) — сердце

** amico (*итал.*) — друг, подруга

*** *deliziosa signorina* (*итал.*) — очаровательная (восхитительная) девушка

Вот так и плыть, не вспоминая, где
 Мы находились: в Финском ли заливе
 Средь пассажиров на советской ниве,
 Снискавших свой законный выходной,
 Иль на Луне, не зная только то,
 Что в сей момент никто нас друг у друга
 Не смог бы отобрать. Прижавшись туго,
 Бок о бок, примостившись в уголке
 Единственном сейчас на целом свете,
 Мы слышали одну лишь тишь, да ровный
 И неизбывный рёв моторов, кровный
 Для нас, как всё, что составляло миг.
 Тогда-то и стряслось. Престранный сдвиг...
 Как будто вдруг забарахлило время.
 Как этому явлению дали б имя
 Психологи, фрейдисты, если б мы
 Смогли порассказать им всё, что с нами
 Произошло, не ведаю. Но вот что.
 Меж нами завязалась как бы почта,
 Да, голубиная, *naturlich**, как бы мы
 Вдруг оказались каждый при своём:
 Она в своей Италии, я где-то
 В своей отчизне. Так кончалось лето,
 Так мир уже входил в свои права,
 Жестокий мир, уже не человеческий,
 Ещё не тот, что всех нас впереди
 Дождётся как-то раз. Ну, что ж... Гряди! —
 Так я сказал Тому, Кто между нами,
 И Он, помедлив, двинул Петергоф
 На нас, на «Метеор», на наши души.
 Мы вышли. Ветер заложил нам уши.

Не сплю вторую ночь,
 Ведь гостя у меня.
 Уж столько лет она не приходила
 И никого с собой не приводила.
 Я думал, так пойдёт день ото дня
 И далее, и уж собрался было
 Забыть об этом, как со мной стряслось.
 Не сплю вторую ночь.
 Как повелось,
 Так и пошло.
 Само меня нашло.
 И я теперь, как в юности когда-то,
 Нет, много осторожней, сторожу,
 У изголовья снов моих сижу,
 Дежурю, улыбаюсь виновато.

Я слушаю свою родную кровь,
 Как медленно она переживает
 Саму себя. Ей так велит любовь —
 Нежнейшая из ран, что заживает
 Едва-едва и, вновь разбередив
 Саму себя, сочит аперитив
 Молчания, пьянит, чуть-чуть качает,
 И голосу рассудка,
 Увы, не отвечает.

* *naturlich* (нем.) — естественно

Безумная... Наедине с ней жутко.
 Не вижу промежутка,
 Ни паузы, ни места, где её
 Не существует. Я, моя, моё...
 Она меня пронзила.
 Во мне её безудержная сила.
 Вторую ночь молчания экстаз.
 Вторую ночь, поди, уже, скостила,
 И до сих пор не говорила «пас».

О, Лидия, куда мне затесать
 Мои глаза? Они полны любовью.
 Чуть отвлекусь, и снова к изголовью
 Дивана сяду. Здесь сидела ты.
 Я не могу об этом написать.
 Я бодрствую от этой чистоты,
 Что у меня в душе восстановила,
 Когда не вечность — время.
 Я повторяю имена во имя
 И называю образ твой тобой.
 Как видно, ты во мне не брешь пробила,
 Но в небеса зияющий пробой,
 Где в тишине слышны твои светила,
 И твой Господь, незримый до того,
 Глядит на нас, и я люблю Его.

Лидия, в лучах вечерней огневицы солнца
 Ты вошла в созвездье Девы, ясная, как дети.
 Ты вошла, и я увидел: жизнь моя доселе
 Не была полна. Тебя в ней не было. Не знал я
 Полноты моей природы, к небесам причастья,
 Этой подлинной свободы, тишины и счастья.

Лидия, взгляни на запад! В августе Венера
 Вечерами светит ясно там в созвездье Девы.
 Если это — совпадение, нам оно поможет.
 Впрочем, есть такое мнение: грусть приметит
 множит.

Но откуда это чувство и такое мнение?
 Видно, сердце так хотело. То — его веленье.

Лидия, диван мой шаткий — всё моё удобство.
 Ты на нём сидела, помнишь, как вошла, как с неба
 Ангел нежный Фра Беато. Девушка с гвоздикой,
 С шаром солнца у колена, фея Андерсена.
 Этот мой диван запомни. Я на нём с тобою
 Буду видаться ночами, если станешь сниться.

Лидия, amico dolce*, ангел Беатриче!
 Если ты пройдёшь, как лето, я умру felice.**
 Только тело и ласкает, но всегда уходит,
 Будто кто нас за нос водит, вечно намекает.
 Не пойми меня превратно. Времени теченье
 Только то несёт обратно, в чём для нас мученье.

* amico dolce (итал.) — милый друг

** felice (итал.) — счастливый

Лидия, не огорчайся! Такова Россия.
Кто сюда хоть раз приехал — навсегда грустнеет.
Здесь и ангел помутнеет. Не спасёт и пьянка.
Оттого и песни наши горькие, лихие.
Ну, а ты, о, sole mio*, ты ведь — итальянка.
Не к лицу тебе унынье, русская стихия.

Лидия, наряд вечерний твой... он непорочен.
Так и осень непорочна, ты же, donna**, вдвое.
Как легки твои ладони у меня на сердце!
Mia cara signorina***, милая straniera****.
Даже волосы твои мне кажутся святыми
В то мгновенье, как сплетаю с солнцем, с золотыми
Струнами его твой волос каждый, даже имя —
Лидия, лидийский берег, лад, Эллада, Время.

Синьорина, возвращайся, возвращайся!
Здесь в России гром гремит — примета счастья.
Возвращайся, синьорина, обещай!
Я приехал бы в Италию, да, чай,
Не отпустит ни за что меня охранка.
Ну, а ты, а ты свободна, иностранка,
Приезжай, мне не уйти, как ни скучай!
Приезжай ко мне в Сосновую на чай!

Возвращайся, возвращайся, синьорина!
Над Россией тишина, как субмарина,
Повисает... Возвращайся! Поглядишь.
Объяснишь мне, отчего такая тишь.
Не смекаю: то ли Время стало, либо
Погружаемся в безвременье... Спасибо!
Ничего в ночи не слышу. Слышу лишь:
Ты не спишь, моя красавица, не спишь.

Синьорина, возвращайся, итальянка,
В наши грустные края, где льёт Фонтанка
Из Невы, как из помойного ведра,
День и ночь, само собою, до утра,
Где ни денег у меня, как ни кредита,
Как ни чести, ни пощады от Главлита,
Где планируют меня, как осетра
В ресторации под выпивку, сестра.

* sole mio (итал.) — душа моя

** donna (итал.) — зд. — госпожа

*** mia cara signorina (итал.) — моя дорогая синьорина

**** straniera (итал.) — зд. — незнакомка

Возвращайся, *mia cara*^{*}, возвращайся!
В эсэсэре самолётом возят счастье
Из Европы прямо к нам в аэропорт.
Этот экспорт, скажем прямо, первый сорт.
Если Русь не растрясёт тебя в дороге,
Потряси меня собой в моей берлоге!
Мой диван, как ни считай, — чуть-чуть — комфорт,
Если ты на нём. Иначе я не лорд.

Возвращайся, и уже не пожалеешь!
Ничего, что ты от чаю чуть хмелеешь.
Это, может быть, и к счастью на Руси.
Отче наш, над нами чашу пронеси!
Да святится Ваше Имя, синьорина!
Диво дивное Вы — подлинно *divina*^{**},
Приезжай хотя бы на день! Ночь темна.
Или это между нас уже стена?

Прощай, мой ангел Лидия, *addio*!
Теперь и ты, и я во власти Клио.
История обоих нас вберёт
В свои пустоты, как река большая
Вбирает ручейки, и мой народ
Тебя запомнит, всеу оглашая
Историю любви, и переверёт.

История любви всегда громадной
Истории ей современных дней.
Жизнь коротка. События ж... нет длинней.
Их перечня от Гитлера до наших
Политиков — до Чаплина, увы.
В России лишь влюблённые правы,
Равно, что и в Италии, где старших
По праву чтут, но маху не дают —
Влюбляются, плодятся и поют.

Так, несмотря на то, что все державы
Не прочь заклать кого-нибудь для славы,
Скорей всего свой собственный народ,
В истории живёт совсем не тот,
Не демагог, но Дант. Его слова:
L'amor che move il sole^{*} ... Итак, права
В истории за теми, кто в разлуке.
Так будет, так и было до науки.

А что до нас, нам надлежит сказать
Друг другу, может быть, одно: *addio*! —
Другое — узел дней, что впереди,
Покуда Время есть у нас в груди.

^{*} *mia cara* (итал.) — моя дорогая

^{**} *divina* (итал.) — божественная

^{*} *L'amor che move il sole*... (итал.) — Любовь, что движет солнце и другие звезды (Paradiso XXXIII, 145). Это последний стих «Небо» из «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Когда-нибудь на берегу Ticino*
Тебе напомним некий contadino**
Мою Россию. Мужичок простой,
Он так похож на дерево... Пстой!

Деревья и у вас молчат. Молчанье.
Вот что скрадёт разлуку — расстоянье
И Время. Их оно сведёт на нет —
Поставленный державами запрет
Для наших душ. Молчи, моя родная!
Есть тишина, есть Лета ледяная,
Есть тайна, есть деревья, звёзды, мир,
Есть солнце, есть земля, приметы мира,
Есть птицы, горы, церкви — весь клави́р
Молчания... Молчи! Нам не до жира...
Есть ангелы, есть Бог в быту квартир,
В разноголосом ритме умолчаний...
Есть Время — день и ночь... Из всех качаний
Качели эти лучшие. Усни!
И, может быть, присниться мне рискни!

Спи, Лидия! В Европе тьма дремоты,
А здесь уже светает. С позолоты
Исаакия спускается рассвет,
И мой слегка продроглый силуэт
Бредёт дорогой памяти по следу
Прогулок наших, где, согласно бреду,
Мы шли с тобой. И вот, я вновь иду.

На этот раз один, как на беду,
Как на закланье, верно, что на смерть.
Ах, лучше жизни вовсе не иметь,
Не помнить и тебя, когда б возможно
Мне это было... Но твоя рука
Дрожит в моей и жмёт её тревожно,
И от любви меня знобит слегка,
И зябнешь ты от сырости ночной,
И над водой повис туман речной,
И сердце как-то слишком бурно скачет,
И чайка что-то мечется и плачет,
И что-то ищет, жалуется. Нет.
И я сквозь слёзы ей гляжу вослед,
Как будто лишь глаза во мне и живы,
И тень мою не сквозняка порывы
Несут чрез Мойки тёмные извивы,
Но Времени холодная река.
Так берега разлуки не счастливы,
Что мы с тобой — лишь снимков негативы,
Так, Лидия, ты стала далека.

* Ticino (итал.) — река в Италии

** contadino (итал.) — крестьянин

ПОЧТА В ИТАЛИЮ

Не имея гарантий дожить до седины, до свободы,
Закисая до срока винищем, памятуя юности годы,
Перебродив алкоголем в советской морёной бочке,
Не нуждаясь в безвременья проволочке,
Валяясь всей тяжестью жизни — телом пятипудовым
Не на дороге, куда там, на родине, на диване
В Сосновой, так уж пришлось, Поляне,
Аз многогрешный Олег Овидием новым
Шлю в Италию плач по Времени этом,
Что держу в себе, обладая скелетом
Настолько прочным, что Атланту
Разве пригоден, а мне-то зачем... таланту
Во мне, наверное, ровно столько, что весу
Живого, полезного, что иному балбесу
На зависть лежу, продавив пружины,
Являя собой вышеназванный вес мужчины.

Итак, держа в себе современное мне Время —
Весь набор аминокислот, мужицкое семя,
Аз лежебок смиренный (чти выше)
Задыхаюсь, как Левиафан на суше
В плену Отчизны моей громоздкой,
Бряцая варварской лирой жёсткой.

Тебе, Италия смуглая, мой тяжкий
Голос, как бы Валгаллы эхо,
Напомнит, быть может, варварские упряжки...
Но суть ли это? Средь северян меха
Дорог мне столбняк итальянский
Города моего вопреки уюту,
Так же и другое — лад эолийский —
Натуральный минор, впитавший мёд и цикуту,
Всё ли это роднит русскую почву
С почвой латинян — наследников греков?

Если так, то средь человеков
Искусство напоминает почту.
Претендуя на слог искусный, не боясь критик,
Упрёков не страшась в претензии милой,
Шлю в Италию плач, не бо есть нытик,
Но убежден: минор обладает силой.

Пусть кордон власти есть кордон крепкий,
Но крепок и слог мой. Хотя б могилой
Дойду до Рима. Выдержали б закрепки
Гроба, а уж я тряску
Перенёс бы. Снимая маску
Гаерства, так скажу: Эх, погулял бы!..
Да, видать, не очень-то разойдётся
советской полбы.

Лежу на пружинах родных, тяжёл от чаю.
Вивальди плачет дитём, и я не чаю
Скрипку его утешить. Грусть, курва...
Эх, порешил бы себя, да жизнь-прорва
Напоминает поток летейский
И сама по себе. Сквозняк балтийский
Тянет из фортки, леденит темя.
До Италии — даль, до России — бездонное Время.

НАЕДИНЕ С АСТРАМИ

Со мною ночью бодрствуют астры.
Чистые астры. Их два цветка.
Они прекрасны. При свете люстры
Раскрылись оба до последнего лепестка.

Один из них величав, как роза,
Другой фиолетов и нежен столь,
Что мне, как Моцарта *Lacrimosa*,
Этот цветок причиняет боль.

Мне до того этой ночью грустно,
Такая нежность ранит меня,
Что молча лишь, поцелуем, изустно
Я смог передать бы мученье дня.

Но это было бы новой раной —
Раной нежности, пред которой грусть
Разлучения столь пространной —
Показалась бы, ну и пусть.

Ночь, наверное, так сближает
Небо и землю, слова и тишь,
Души людей. Вот сейчас ты спишь,
И образ твой Время опережает,
И ты в цветах, как пчела, дрожишь.

Ты пчела. Это так же верно,
Так же больно, как то, что ты
Причиняешь мне боль безмерно-
Душу сосёшь, как пчела цветы.

Эта боль — пополам — разлука
С наслаждением столь остра,
Что мне на память стрелок из лука
Приходит, мальчик, твой брат, сестра.

И я целую в припадке печали
Астры, пьющие грусть мою,
И, если бы цветы отвечали,
Я мог бы подумать, — с тобой стою.

Так вставали мы для объятий,
Точно боль распрямила нас,
Точно к солнцу тянулось платье,
Так с цветком я встаю сейчас.

Подымаюсь при свете люстры
И выключаю ненужный свет
Не в силах глядеть в сердцевину астры,
Где образ твой, и тебя лишь нет.

ДЕСЯТЬ СТРОФ О СВОЙСТВАХ ВОСПОМИНАНИЙ

O ombre vane? Fuor che nell'aspetto!
Tre volte dietro a lei le mani avvinsi,
E tante mi tornai con esse al petto.
Purgatorio. II, 79. Dante.

1.

Узок в широтах Времени
Наш горизонт и тесен,
И тот, кто привык привередничать,
Ему и по гробе пресен
Будет эфир, где тень его
Тут же в утробе мира,
Как в коробке сортира,
Схватится за живот.

2 .

Что же увидит в странствиях
Наш пилигрим по смерти
В час, как врата Чистилища
Примут его? Поверьте, —
Круг тот же самый Времени,
Тесный в спирали года,
Та же, пардон, погода,
Тот же народ живёт.

3.

Вещи его — те самые,
Что и в быту квартиры, —
Те же, но тем бесплодней, —
Памяти вещи — дыры,
Вещи — каверны памяти —
Призраки, сны и тени —
Наши следы на сцене —
Данте, увы, не врёт.

4.

Это и есть мучение
Тем, кто при жизни зорок
Не был — на ощупь разве что
Помнил не свет, но морок.
Вот живота лишился он.
Что же его встречает?
Вещи он замечает —
В руки с тоской берет.

5.

Время — название горечи
Невоплотимой в глине
В час, как тебя, красавица,
Я вспоминаю ныне.
Вещи твои — те самые,
Что от тебя на память,
Я не могу прославить,
Мало ли кто поймёт.

6 .

Вскую еси отринул мя,
Свете Незаходимый!..
Вот, я живу, и горшее
Мне суждено. Не мнимый —
Вещный уклад вещественно
Мне доказует факты,
Как наказуешь, как Ты
Видишь нас наперёд.

7.

Время — название случаю.
Мир, говорят, нам тесен
В миг тот, когда нечаянно,
Случаем интересен,

Бог подытожит истину —
Нашу любовь при встрече
С тою, кто недалече
Так же мгновенья ждёт.

8.
Трижды раскрыл в объятья
Руки к тебе, мой ангел,
Но трижды они сомкнулись
В воздухе... Тень, как факел,
Гасла в руках, чуть пламени
Я достигал проворно.
Время... Как иллюзорно
То, что оно идёт!

9.
Нет! Мне довольно радости
Было, когда всю схожесть
Я осязал с прообразом —
С телом своим — всю тяжесть
Мог подымать знобящую —
Времени чашу — розы...
Этой вот плоти прозы
Мне и не достаёт.

10
Ныне сажу на корточках
Перед столом. Тоскую.
Стул подо мной скукожился.
Скрипнет, и не рискую
Ноги спустить продрогшие.
Так мне писать уютней.
Тише ты, муза с лютней!
И без того трясёт.

Под деревом, бронзовая на вид,
Но бронзовая лишь затем, что мастер
Не ведал Слова, она глядит
На дерево, Гесперида — мать.

Не то, что бронзовая душа,
Скорее, в бронзе душа, из бронзы
Глядит на дерево, сбросив узы
Материи косной. Итак, дыша,
Глядит на дышащее же древо
Нагая тайна — промать Ева.

В руке три яблока, и четыре
Растут в волосах. Если б яблок в мире
Всего оказалось, что эти семь,
Со мной согласиться пришлось бы всем,
Что это и есть то древо Эдема,
От коего и пошли соблазны.

То есть, если в саду этот запах дыма
Сжигаемых листьев напечалит прямо
Не запах времени, но протоплазмы,
В моём сравненье едва ли грамма
Найдём натяжки, настолько зрима
Вся прелесть женской нагой природы,
Что все её арки, колонны, своды
Всю храмовую архитектуру
Напомнят, тем самым, и всю культуру,
Иначе, дерево наших знаний —
Формы желанья в формах зданий.

И если сказал я, что Гесперида,
Глядя на дерево, стала древом —
Яблоня, бронзовая лишь с виду,
Сказал я это с таким же правом,
С каким сказал бы, что эта дева
Три яблока сорвала не с древа —
С себя самой, и глядит лукаво
На дерево, ибо имеет право.

И если добавлю, что из постели
Она, нагая, ушла затем лишь,
Чтоб клены, и те от неё балдели,
А ты, рябина, когда затеплишь
Прогорклые грозды свои, нагая,
Училась, как вдоль бедра сбегая,
Рука её не стыдится срама —
Три яблока, точно грозд Адама,
Тихонько жмёт... Чуть сжимая бёдра,
Богиня спит, хоть и смотрит бодро
На дол осенний, росой покрыта...

Женщина в жесте её открыта
Мастером на мученье клёну,
Чей лист, опав, прикрепился к лону,
Да так и замер, покуда ветром
Его не сдуло...

И дева утром
Хранит улыбку в молчанье мудром
Под деревом, бронзовая на вид,
Глядит на ствол, и в стволе болит.

Твой образ, время, обратив
Пространством и тоской,
Пройдя туманный негатив
И не найдя покой
В потусторонней полутьме
Той плёнки, что на свет
Казалась памятью в тюрьме
Мгновенья, силуэт
На снимке так сместил, что тень
В самом смещенье том
Запечатлела миг и день,
Чтоб грустью стать потом.

И вот, как в зеркале стоишь
С тех пор передо мной,
И на тебе такая тишь,
Как будто мир иной
Там за тобой, куда войти
Сторонним не дано,
Лишь намекает на пути,
Закрытые давно,
И большего не говорит,
Затем что время в нас
Мгновенно принимает вид
Того, что видит глаз.

И оттого-то образ твой
Передо мной размыт,
Что времени плывущий слой
Водой в глазах стоит,
И ты ундиною на дне
В прозрачной глубине
Мерцаешь призрачной вдвойне,
Чем время при луне,

И то, что обращает вспять
Обоих нас пред ним,
Уже не может ослеплять,
Но ест глаза, как дым.

Е.

И там, где были счастливы с тобой,
Ещё не раз окажемся мы снова.
Там по Неве прозрачногубой
Мы шли сюда из сумрака живого.

И здесь уже, за временем во мгле,
В мгновении ином, тревожнозыбком,
Я вспомнил тот кораблик на игле
И розу на ветру по-невски зябком.

Мы шли, ещё не ведая куда,
И вот сюда пришли, в мгновенье это.
И нам дохнуло с площади Труда
То первое, единственное лето.

Ты, помню, в красной кофточке была
И в длинной юбке лёгкой, тёмносиней,
И роза на руках твоих цвела,
И вспомнил я её в мечте осенней.

Она цветёт в Элизии теперь —
Там, где цветы с тех пор не увядали,
Как мы открыли старенькую дверь
И всё, что Бог судил нам, увидали.

И счастьем был исполнен праздник наш,
И я плохого, право, не запомнил.
И знаю я, что всю себя отдашь,
Что любишь, и люблю, и что легко мне.

Да, мне легко и радостно опять,
Как в той дали, откуда нет известий.
И если мне взбредёт на ум пенять,
Напомни, как легко нам было вместе.

Е.

Когда художник видел пред собой
Твой образ чистый и прекрасный,
Ты не была его рабой,
И он трудился не напрасно.

Ты мысль таимая была
Перед его духовным взором,
И под резцом не сразу ожила
И показалась не скоро.

Ты долго мучила его
Непостижимостью своею
И тайна совершенства твоего
Явилась миру Галатеей.

Ты вдохновила мудреца,
И он с тобой остался в браке.
Так жизнь глядит из-под резца
В своём запечатлённом знаке.

Е.

Неуловимые черты
Невидимой летящей муки,
Вы — вдохновенье красоты
И вдохновение разлуки.

Я вспоминаю вас порой,
Духотворим щемящей грустью,
Не постигая дикий строй
Мгновенья, рвущегося к устью.

Но оживает иногда
Передо мной бывшая воля,
Слоится времени вода
И отражает жизнь без боли.

И что начертано творцом,
Рука моя ваяет смело.
Так Афродита под резцом
Из пены мрамором глядела.

И ты, красавица, взгляни!
Ты создала моё виденье.
Летели годы, ночи, дни,
И ты явилась на мгновенье.

И всё, что в сердце ожило,
Глядит божественно и дико.
В Аид спуститься тяжело.
Нельзя глядеть на Эвридику.

Так чудно к расставанию подошло,
Что время стало грустью и невольно
Обоих, как солому, подожгло
И стало тем, чему уже не больно.

И это стало мною, и когда
Я стал таким — непрошенным и прошлым —
Не наверстать. Лишь помню иногда,
Что был дитём и юношею рослым.

Не жизнь прошла, она, куда ни шло,
Осталась той, какой была и после
Себя, но ложь куда-то занесло
Уж слишком высоко и правды возле.

Смешалось то, что истинный состав
Должно иметь в пропорциях таких-то
Добра и зла, и с тем, что, глиной став,
Раскинет память кроной, точно пихта.

Смешалось то и с тем, что, назови
Хотя бы грустью, горечью и грустью,
Не станет речью в рифме vis-a-vis,
Скорей, ручьем, что не вернётся к устью.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

О. С.

И стало вдруг легко и грустно,
И покаянно и светло,
И в сердце — пение изустно,
И бремя тихо отлегло.

И вновь душа прощает, веря,
И вновь прощается с другой,
Как бы орёл теряя перья,
Взмывает в купол голубой.

Оттоль и видится яснее,
Где светозарна глубина,
И сердцу плачется честнее,
Чем человечней в нём вина.

Его раскаянье порою
В высоком небе обожжёт,
Чем выше вознесётся к строю,
Чем больше веры сбережёт.

И станет вдруг легко и ясно,
И сердце взмает вновь и вновь,
Ведь силу выстрадала честно
В нём человеческая любовь.

ВЛАДЕНИЕ ИМЕНЕМ

Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Ф. Тютчев

Дух молитвенною силой
Твой мне в сердце привлечён,
Столь послушливый и милый,
Тихий, мирный, легкокрылый,
Им же весь я увлечён.

Ты со мной и днём, и ночью
И в молитвенной тиши,
И когда тебя воочию
Сердце видит, кроткой мощью
Жизнь твоя во мне бежит.

Нежной огненною сутью
Вся в меня истощена,
Благодатной верной плотью
Сердца устному изводью
В духе тайна сращена.

И тогда я живо чую
Всю тебя уже во мне
И тихонько отвечаю,
Наслаждение с печалью
Чуть смыкая в глубине.

И победа благодати
Исцеленьем страстных ран
Изливается в объятье
Сердца, бьющего в изжатыи
Жаркой кровью в тела храм.

И тобой смиренномудро
Научаем, всё родней,
Вдохновлён и целомудрен
Тайной искрой в перламутре
Изжигаюсь, весь в огне.

И в тебя исходит сила
Из живых моих глубин,
Друг мой чистый, ангел милый,
Благодатный, легкокрылый,
Им же тайно я любим.

И святым одушевленьем
Вся от Бога и любви
Изошедшая. Ты пенем
Срастворяешься мгновенью,
Вся в родной тебе глуби,

Вся во мне, как бы в киоте
Образ Божий, столь тепла,
Что родной единой плоти —
Вся во всём, чем все живёте,
Храмом духа облегла.

И в живом соборе слова,
Исходящего из уст,
Ты горишь любовью новой,
Изойти в меня готовой,
Как в огне тот страшный куст.

И во мне твоя святыня
Нерушима и верна,
Как твоё святое имя,
Мной молитвенно хранимо
В тайне, крепкой как стена.

Там, как в Киевской Софии,
Навсегда утверждена,
Ты со мной во мне одна,
Будто солнца луч в сапфире,
Вся насквозь душе видна.

О. С.

В сердце тихая ясность и слава.
Испытанье уже позади.
И возносится к Господу слово.
И огонь искушенья затих.

Стали светом бывшие печали.
Стали слёзы бывшие теплом.
Вот и страсти в груди замолчали,
Будто время для них истекло.

Начинается новая сила,
И в молчании копится мощь.
И когда б твоё сердце спросило,
То, услышав молитву, простило
И меня средь пустеющих рощ.

О. С.

Всеобъятная тьма и печаль.
Гефсиманская ночь и безмолвье.
Если я не умру от меча,
То приди к моему изголовью.

Слышу вещей печальной душой:
Приближается оное время.
Сердце занято скрытой борьбой,
Возрастает страдания бремя!

Тайно скажем друг другу: прости!
И да сбудется воля Господня.
Тайна, светлая радость, расти!
Бог придёт нас от смерти спасти,
Но Христос предаётся сегодня.

Тебя и в скорби слышу, и в тиши
Сердечной, мирной, благодатной.
И всё, что чрез тебя я пережил,
Уж стало музыкою ратной.

Не слышать бы её!.. Одна любовь
Со мною, и на сердце тихо, тихо.
И взор твой нежный, голубой
Не видеть мне грешно и дико.

И сердце успокоилось. Надежда.
И тихо в мире. И душа не ждёт
Несбыточных фантазий, но живёт
И не зовёт имён, что знала прежде.

Иные имена, иные дни.
И к лучшему. Судьба не обманула,
Лишь горечью по сердцу саданула,
И с нею мы живём теперь одни.

Ещё жива, ещё не завершилась,
Вверяя сердцу таинство своё,
И только жизнь во мне переломилась,
И вижу и в беде надежды милость,
Благословляя всё, что настаёт.

И сердце уповает и терпенья
Приносит, верно, поздние плоды:
Любовь и правду, свет и разуменье,
И не боится горя и беды,

Но ведает прощенье и участие
И дарит всех, кого в себе найдёт,
Ведь и беда когда-нибудь пройдёт
И прояснится целой жизни счастье.

Так солнце набирает высоту
И снится тем, кто радости достойны.
Проходят революции и войны,
И люди просветляются невольно.
Беда не побеждает красоту.

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

ЗИМНИЙ РАЙ

И ночью пламенные звёзды
В студёном небе нам горят —
Лучистые большие грозды
О зимнем рае говорят.

Подымешь голову и видишь —
Кассиопея, Орион,
Как будто на дорогу выйдешь
Иных небес, иных времён.

И, может, в райском разноцветье
Душа твоя звездой горит
Пока кончается столетье
И раной жизнь во мне болит.

Ты близкая ко мне, я знаю,
А звёзды так же далеки,
Как эта зимняя, сквозная
Ночная мгла из-за реки.

Твоя душа в глазах сияет,
И мы, как Ева и Адам.
У ног собака громко лает
И дочь ей хвост перебирает,
И звёзды светят ей и нам.

СНЕГОПАД

Тихий, медленный снежок
С неба налетает.
Грубость в сердце как ожог.
Впрочем, лёд оттает.

Сказанула сгоряча.
Вот и я упёрся.
Не руби, прошу, плеча.
Я курю. Утёрся.

На снежок пойду взгляну,
Покурю и молча
Съем размолвки белену.
Что нам страсти корчить.

Тихий, редкий с неба снег.
Папирос отравя.
Твой ответ был как побег.
Тише, тише, право.

Погляди — снежок идёт.
Всё запорошило.
Впрочем, сам ты идиот.
Скажешь — как отшибло.

Но на то и в мире Бог.
Он снежок постелет.
И не будет нам тревог.
Ты уже в постели.

Помирились мы с тобой
И снежок окончен.
Вот лежит он голубой.
Что нам страсти корчить.

Вот лежит он до утра.
Утром спозаранку
Ребятишки на ура
Примут нашу ранку.

И откуда им узнать,
Что Господь послал нам
Этот снег как благодать.
Помирились. Славно.

Вижу храм запорошён.
Все крестцы в сугробах.
Усмиряет норов жён
Жизнь вдвоём до гроба.

Усмиряет и мужей
Жизнь вдвоём под снежный
Тихий ритм не для ушей —
Снег живой и нежный.

НА КУХНЕ

О, наше скромное жильё!
Здесь кончилось моя, моё.
И ты во мне, и я с тобой.
О, быт счастливый, дорогой!

Опять на кухне я сижу
И долго на тебя гляжу.
Сомненья прочь. Меж нас любовь.
Она волнует сердца кровь.

Согреем чай. Читаешь ты.
В тебе довольно красоты.
И я пишу в мою тетрадь.
Мне неохота умирать.

Здесь за столом я нужен. Так.
Я умудрён, хотя простак.
Здесь за столом твой мир простой.
И я, и дочь, и Бог с тобой.

В кроватке дочь за стенкой спит,
И Ангел сон её хранит.
Читаешь ты, а я пишу,
И значит жив — пою, дышу.

А ночью снова мы вдвоём.
И Бог как слышит окоём.
Заутра новый день тревог.
Но любим мы и с нами Бог.

Люблю с тобою вечера.
Утомился день опять.
И даден нам ночной досуг.
И я с тобой. И ты мне друг.

Чайку согреем вновь и вновь.
Что делать мне? Со мной любовь.
Так и решим — пойдём к себе —
Доверимся ночной судьбе.

МЕТЕЛЬ

Ветер по крышам шумит.
Метель задувает с юга.
Нету со мною друга.
Сердце тихонько щемит.

Дочка кутает пса.
Загромыхал холодильник.
Ветер. С утра холодина.
Дай-ка вздремну полчаса.

Дочка однако со мной,
Пёс на диване дремлет.
Душу угрюмая емлет
Дума — сродни с тишиной.

Скоро жена к нам придёт —
С ветра, с мороза в дом.
Но не виновен я в том —
Сердце другого ждёт.

Ясного дня, тишины,
Чтобы жена под боком.
Так и усну ненароком
С дочкой и псом без жены.

Куруется снег за окном.
В сугробах земля подмёрзла.
Друга хочется возле.
Темень. Сижусь с огнём.

Ветер за домом гудит —
Хлопьями мглы бросает.
Бегают дочка босая.
Дочь у отца в груди.

Книжку ей почитать,
Тайно послушать вьюгу.
Снег навалился с юга.
В городе нищета.

Чаю бы принесла!..
Впрочем, сказать — откуда?
Крышу трясёт от гуда.
Песенку про осла

Дочке читаю. Сплю.
Ветер гремит в окошко.
Дочка: «Теперь про кошку».
И оживаю. Люблю.

НА ДАЧЕ

Как у Борисова-Мусатова,
Вершины елей так нежны.
И стебельки выюнка усатого,
Как ожерелье у княжны.

И завивается берёзовый
Ствол огнепальной берестой.
И в небе синем светлорозовый
Зари как травяной настой.

И целый день свистят над озером
Точь-в-точь ныряльщики — стрижи.
И ночью звёзды светят лазером,
Как свет недремлющей души.

Под берегом кувшинки, лилии
И вездесущий водомер.
Шиповники так пахнут, милые,
И очерк неба синь и сер.

То полыхнет жарою алою,
То лёгкий дождик просквозит.
И ночью звёздной небывалою
Ковш семизвездия висит.

Собаки лают по окрестности
И нет преграды синим дням.
И мы с тобой пейзажу местности
Не скажем: повернися к нам.

Мы в тот пейзаж тихонько впишемся,
Сбирая ягоды, грибы,
На летнем и июльском пиршестве —
К земле согбенные горбы.

И комары нас гонят к вечеру
Домой, и мы идём с тобой.
Нам комарам сказать тут нечего
И небо в дымке голубой.

Мы дома дотемна чаёвничать
Привыкли. Лето так велит.
А днём поспим и будем полдничать.
Вот сутки мы и провели.

Как у Борисова-Мусатова,
Вершины елей так нежны.
И стебельки выюнка усатого
Как ожерелье у княжны.

То — за окном. А в доме за полночь
Горит огонь и мотыльки
Слетаются и тихой сапою
Танцуют — бурны и легки.

И мы глядим на это летнее
Явление — чай полночный пьём,
И тем быстрее, и тем заметнее
С тобой срастается вдвоём.

Так лето мы проводим жаркое
И не торопимся остыть.
Судьба не кажется нам жалкою,
И наши помыслы чисты.

Мы за полночь с тобой обнимемся
И нам поможет тишина.
И до утра в ночи не двинемся.
В ночи природа спать должна.

И нам нашепчут там за окнами
 Берёзы, ели и сосна
 Своими ветками чуть мокрыми
 Гармонию ночного сна.

И мы в объятиях горячие
 До птиц не встанем, до утра.
 И ветки елей — полузрячие
 Качаться будут по ветрам.

Берёзы не шелохнут
 И лают собаки окрест.
 Берёзовые лохмы,
 И в каждом древке — крест.

Прохожий говорливый
 О чём-то говорит.
 Ночной часок счастливый
 Молчаньем удивит.

И кроны смотрят в звёзды,
 А звёзды смотрят вниз.
 Рябиновые грозды
 Свисают на карниз.

Ещё пройдёт немного
 И грозды как коралл.
 Всего полно у Бога.
 Он мир не покарал.

Ещё мы ходим раем,
 Ещё мы как в раю.
 И звёзды летним краем
 Я в небе узнаю.

Ещё на свете лето —
 Июль. И, видит Бог,
 У нас претензий нету —
 Ни грусти, ни тревог.

Ещё на свете счастье
 И молодость, и мир.
 Бывает и ненастье,
 Но больше — солнца пир.

И счастливы мы небом,
Простёртым, голубым,
Довольны нищим хлебом
И ласками судьбы.

Она ведь нам судила
Приятно лето жить.
Приятная судьбина —
Днём летним дорожить.

Ещё нам остаётся
До осени дожить.
И урожай смеётся
И яблоки свежи.

На днях уж будет Ольга,
А скоро и Илья.
А радостей-то сколько,
А в них и ты, и я.

Над лесом звёздочка мерцает.
В домах — полночные огни.
И сердце небо созерцает.
И в дачном доме мы одни.

На небесах миры созвездий.
В траве кузнечики куют.
И этой травяною песней
Нам создан здесь ночной уют.

Ни ветерка. В тиши полночной
Мир так огромен, молчалив,
Как бы уснул и спит. И точно.
Я в нём один. И я счастлив.

Спят домочадцы в дачном доме.
Со мной собака. Тоже спит.
Мир молчалив и так огромен,
Как будто вправду день убит.

Настала тьма. Миры созвездий
Мне освещают ближний лес.
И над хвоёю — семизвездье
И бледной звёздочки отвес.

И сердце небо созерцает.
В домах — полночные огни.
Над лесом звёздочка мерцает.
И в дачном доме мы одни.

Медлительной чредой — за днями дни
Уходит август — серый и дождливый.
И мы с тобой в ночи одни —
Читаем в атмосфере молчаливой.

Ты спать идёшь. А я читаю всё,
И за окном размеренные капли.
Лист жёлтым ветром унесён
И дождик серый каплет, каплет.

И я один. Собака спит.
Ей снится что-то по-собачьи.
И ветер в листьях шелестит
И в сосенках шумит и плачет.

Всё дождь и дождь. Не вспомнить дней.
Я выспался за месяц, видно.
А ты уж спишь. Тебе видней.
И я пишу. Мне не обидно.

Спит наша дочь. На дачах спят.
Ни огонька. Лишь свет мой в окнах.
Сычи уж больше не вопят,
Лишь гул дождя в деревьях мокрых.

Да ветра шум. Забрешет пёс.
Ему собаки не ответят.
Бог тишиной меня занёс,
Как листьями. И окна светят.

Всю ночь шуршит отпад
Как будто медь.
И рифмы невпопад,
Хоть умереть.

В листве ещё не палой
Торчит фонарь.
И шум бывалый
Будто календарь.

Так повторится
Жизнь моя во сне.
Летит страница
Будто новый снег.

Шумит листва.
Задержан листопад.
Шум естества.
Всю ночь шуршит отпад.

Хоть умереть
Под этот беглый шум.
То — листьев медь.
Октябрь тяжелодум.

И рифмы невпопад
Опять, опять.
Всю ночь шуршит отпад
И надо спать.

И пахнет палым,
Сгнившим уж листом.
И небывалым
Осень входит в дом.

Засохшие уж листья
На столе.
И этих истин
Хватит нам вполне.

Умрёшь и ты
Когда-нибудь как лист.
Для красоты
Твой лик довольно мглист.

Но светит ум
В полуночных очах.
Тяжелодум
Светает при свечах.

Над листьями
Хоть свечку запалю.
Соль истины:
Всё жив я и люблю.

Тебе букет —
Отпадшая листва
И свечки свет
В знак жизни торжества.

Тебя люблю
И жизнь храню в душе.
И как стеблю —
Ты новый лист уже.

В доме музыка и тепло.
А за окнами ветер норд-вест.
На душе отчего-то светло,
Хоть за окнами темень окрест.

В доме музыка, сигарет
Дым душистый, лазурный огонь
Над плитой. Над стихами — поэт.
И от газа тёплая вонь.

Надо выключить. Дом нагрет.
И готово кофе уже.
Отчего так светло на душе?
Видно, с нею раздора нет.

Спит любимая далеко.
С нею спят — собака и дочь.
Я один. На душе легко.
Ветер листья уносит в ночь.

За стеклом — холодный норд-вест.
А в дому — вечерний уют.
Тучи крышей из дальних мест
По над светлым домом плывут.

Я с тобою, хоть вдалеке.
Я заканчиваю стихи.
И душа моя налегке
Затерялась среди стихий.

Несчастен человек в разлуке с милой.
 Он дни влачит в тоске своей унылой.
 И образу её в одном лишь сне
 Он рад как бы вернувшейся весне.

 Но просыпается и тщетно сердцем ищет.
 За окнами осенний ветер свищет.
 И всё уныло так — с тоской не совладать.
 И сердцем с бурей он борется опять.

 Тогда приходит лёгкая надежда,
 Как бы души самой надёжная одежда.
 И так тепло и радостно опять,
 Что милая придёт его понять,

 И насладится он вполне общеньем.
 И это будет им обоим утешеньем,
 Что кончилась разлука и полна
 Душа как отзвуком бывшего сна,

 Когда они вдвоём в объятьях были,
 И долго долго так, минуты плыли,
 Пока проснулся тщетный человек
 И не открыл своих пустынных век

 И друга не нашёл в своих объятьях
 Бессмысленных как в холод наши платья,
 Когда до мозга проникает хлад
 И образу во сне ты будешь рад.

Спят деревья крепким сном.
 Листья облетели.
 Вспомнят будущей весной
 Об уснувшем теле.

 Солнце вновь пробудит их.
 Птицы к ним вернуться.
 Нынче крепок сон у них.
 Дремлют — не проснуться.

 Сон дремучий их сковал
 Дрёмой деревянной.
 Где трезвон и птичий гвалт
 В зелени медвяной?

 Так и я давно уснул
 В пору листопада.
 Подо мною скрипнет стул.
 Сон — моя услада.

 Но и в этом странном сне
 Мысль меня тревожит
 О пасхальной, о весне.
 Грусть печали множит.

 Я как дерево застыл
 В лёгкой летаргии,
 Будто в сны давно уплыл
 Странные такие.

 Как нашла на душу мне
 По сезону дрёма.
 Летом ночь была шумней —
 Шелест и истома.

Я томился под звездой
Как зелёной думой —
Слышал — свищет козой
В тишине угрюмой.

Слышал песенки порой
Ласточек-певуний.
А сейчас кривлюсь корой
В дрёме от раздумий.

Где листва моя — слова,
Шепчущие тайну?
В тьме осенней голова.
В дрёме сплю хрустальной.

Сплю как дерево и нет
Просыпу мне спяну.
Жду ночной электросвет,
Коли ночью вспяну.

Мысль о сне меня томит —
Дерево без листьев.
Лето красное, пойми,
Снится мне всё мглистей.

Всё счастливей с каждым днём,
Чем ноябрь холоднее.
Как во сне с тобой живём
В разлучении вдвоём —
Дальше, тем роднее.

Сплю и вижу каждый день
Лишь тебя, родную.
Ты как радужная тень —
Вижу всю сквозную.

Вновь мы встретимся опять.
Лето к нам вернётся.
А деревьям надо спать
Что им остаётся?

Завывает в прутьях верб
Полуночный ветер.
И на небе светит серп.
Сон на белом свете.

Выпал по отпаду снег.
Дети лепят бабу.
Я проснусь. До новых нег.
Зелень снится грабу.

Тишина. Хорошо мне в тиши.
Вот ты с Музой. Сиди и пиши.
За окном темнота. Это ночь.
Но она может свету помочь.

Кухня светом от лампы полна.
А на небе в тучах луна.
Божий мир сотворённый. Он здесь.
Я им полон с душой моей весь.

Не шелохнут во тьме дерева.
И душа тишиною права.
В ней любимая ласково спит,
И душа её образ хранит.

В ней две дочери — дети. Они
Остаются ночью одни.
Ночь для сердца. А в сердце — жена.
Нынче ночью сны видит она.

Может, снюсь ей. А впрочем тайком
Огражу её духов полком —
Помолюсь перед Богом о ней.
Ей во сне это будет видней.

Вот и Муза со мною — стихи.
Тишина в моём сердце. Тихи
И слова мои — радость жене.
Пусть помолится и обо мне.

Каркают вороны.
Падает снежок.
Чуть качаясь, кроны
Сыпят порошок.

Лают и собаки.
Воскресенья день.
Расточились мраки,
Источилась тень.

Рады солнцу дети.
Галки говорят.
В туче солнце светит
И снега горят.

Сыплется пороша.
Дол оснежен весь.
День такой хороший.
Воскресенье днесь.

В храме литургия.
На дворе снежок.
Небеса тугие
Сыпят порошок.

На душе привольно.
На сердце светло.
Вижу недостойный
Божий день святой.

Каркают вороны.
Снег слегка кружит.
В белом ситце кроны.
В солнце этажи.

Позвоню любимой —
Счастьем поделюсь.
День промчится мимо.
Сердцем веселюсь.

Приготовлюсь к ночи.
День ноябрьский мал.
Наслаждение впрочем
Он уж сердцу дал.

В тёмных тучах мирозданье.
Ни звезды. Темным-темно.
Так опутано сознание,
Как полночное окно.

Ни звезды. Луны не видно.
Сон в округе. В доме спят
Я не сплю. И мне обидно:
Куст во мраке весь примят.

Он в сугробе, как во гробе,
А вокруг не тают льды.
Не встают из-под надгробий
Человеческие лбы.

Ночь темна до воскресенья,
Лишь в окно глядит фонарь.
Ни покоя, ни веселья
И скрижалю — календарь.

Кто там плачет? Кот ли, Муза
Иль душа моя во тьме?
Жизнь под пятьдесят — обуза
Но становится плотней.

И с Миленой только жалость
Остаётся для меня.
Где же чувства небывалость,
Новизна иного дня?

Ночь темна. Огни фонарны
Освещают лишь одни
Преисподний, календарный
Мир — полуподвал, где дни

Столь же тёмны и коварны,
Как слепая эта ночь.
О состав мой вечно тварный,
Как тебя мне превозмочь?

Мирозданье в тучах скрыто.
Ни звезды. Молчит погост.
Двор мерцает как корыто.
У окна — один я гость.

В деревянном оцепленье
Спящих каменных дерев
Я стою как в ослепленье,
Жить прожить как не успеv.

Далеко до воскресенья,
А ведь надо помирать.
Ни покоя, ни веселья.
Впрочем, нечего терять.

Спать пойду. Приснится, может,
Мне весёлая жена.
Молода. Ей жизнь дороже.
Прожил я. Моя вина.

Тьма крошечная над домом.
Ни звезды. И нет луны.
Сознакомлюсь хоть со стоном.
Буду жить хоть для жены.

Потихоньку Бог поможет.
Звёзды выйдут из глубин.
И тоска меня не сгложет.
Буду жить. Я не один.

Утром позвоню Милене —
Прочитаю то, что есть
И опять предамся лени —
Будет что потом прочесть.

Вечор летали ласточки и щебет
Их отзывался таинством в душе.
О счастье пели ласточки. И внемлет
Им сердце, светозарное уже.

Была гроза и вспышки молний —
Как фотоснимки делали во тьме.
Так тихо вдруг. И город сонный
Прошедшее отпечатлел в уме.

Сгущалась тьма, но вновь любовью
Я переполнен был и счастье в дом
Вошло. Я всё припомню
При Геспера сиянье золотом.

Любви исполненную чашу
Бог предложил и пили мы её.
И между нами тайна, благодать наша,
И мне уснуть волненье не даёт.

Душа не устаёт в воспоминанье,
И как любили мы, запечатлел
Тот снимок молний, и грозе внимая
Я зреть любви гармонию умел.

Прошла гроза. Душистый воздух веет
И не шелохнутся листья.
Душа постигнуть таинство умеет
Гармонии и летней красоты.

Что-то тайное в небе вершится,
Слышно: дальний летит самолёт
Снег на крыши попоной ложится,
Ангел тайно о Боге поёт.

Кто-то свет в темноте выключает
И уходит в объятия любви,
И душа в тишине замечает:
Парки вяжут обрывки судьбы.

Сердце слушает ангела тайну,
Что поёт он в ночной тишине,
С неба брызжется свет неслучайный,
Муж в соитии прижался к жене.

В небе тайна любви и наитья
Час ночной тишиною нашёл,
Днём объявят планеты события,
А пока — на душе хорошо.

В небе ангел свободный летает,
Видит он, и задумчив и тих, —
В небе вечная тайна святая,
И приходит таинственный стих

Прямо в сердце ночному поэту.
Ангел тайно о Боге поёт,
Жизнь вращает живую планету,
Тишь сознанию уснуть не даёт.

И творится наитие в сердце,
Бога слышит в природе оно,
И далёко-далёко до смерти.
Парки крутят веретено.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.

А. Пушкин

Любовь последняя для сердца
Важнее первенцев любви.
Она как на закате солнце.
На век её благослови!

Она твой осветляет вечер
И научает сердце петь.
И жаль, что ей ответить нечем.
Не может возраст сердцем млеть.

Зато святое пониманье
Заменой служит страсти нам.
На сердце нежное вниманье
Ценнее, чем любви весна.

И в ней, я мню, светает вечность —
Единоверие любви.
Святую света бесконечность,
Любимая, благослови!

СЕМЬ ПЕСЕН ЕДИНОЙ ПЕСНИ

ПОЭМА

Душа моя изыде в слово его.

Песнь Песней.

1.

Развилася душа, как древле свиток
В руках у растворённой Суламиты,
И письма гора горят. Любовь моя!
Тебе, одной тебе грёз преизбыток!
Смотри, насколько мы с тобою слиты:
Не различу где ты, где мы, где я.

Твои уста — уже мои глаголы.
Объятья — плен языческой Валгаллы.
И вся ты — необъятность всех имён,
Какими человек венчает доли,
Моря и реки, небеса, прогалы,
Холмы и дали, глубину времён.

И звёздна вся необозрима бездна,
Меж нас висит, сжимается издохом,
В котором эта речь помещена.
И что мне в том, что жалость безвозмездна,
Когда одним твоим лишь дивным вздохом
Я называю жизни имена!

2.

Един Господь, един и человек.
Ты предо мной, любовь моя, развита,
Как свиток Песни Песней — Суламита.
И это я. Да сбудется навек!

Приди! Гортань моя тебе открыта
Алтарным сводом. Слово издохни!
И вознеси горе сад алфавита,
О, альфа и омега alma vita. *
Златого семисвещника огни!

Душа моя, душа твоя прекрасна!
И это я? Каков же наш Господь,
Когда глаголом стала тварна плоть,
И мощь её в творенье не напрасна!

3.

Прильни ко мне, о, счастье, Суламита!
Я — речь твоя, изустная хвала
Устам твоим, но мною не испита
Их чаша, что для нас одних налитой
Амброзии ещё не пролила.

Так поднеси её! Палимый жаждой,
Я жду, исполнен слова и дождя.
И на моём челе из тучи каждой
Готово полыхнуть, настолько стражду
Я по тебе, разрядами грядя.

Я — речь твоя. Ты — песнь моя. И оба
Мы — устье двух потоков, слитный ток.
И в нас отражены все звёзды неба,
Сопряжены Эдема и Эреба
Всемирные струи, речей восток.

Так слушай же, внимли, о, Суламита!
Я — речь твоя, грозный аквы грозд.
О, как нежна! О, как же пламенита!
Которая из них твоя ланита?
О, как же я перед тобою прост!

4.

Душа твоя в моём едином слове.
Войду в неё, и вострепещет вся.
Ты — песнь моя, и, душу вознеся,
Жизнь прелестью пресуществляешь внове.

Дыхание, пчела, о, Суламита!
Не Соломон — язык его поёт,
Амброзия и яды алфавита
В гортани всеславянского пиита,
Слоящийся и правселенский мёд.

Смесилась речь с дыханием, и песнью
Исторгнута гортанная хвала,
И расточилась вдруг уже не в пёсью,
Но в братнюю привязанность, и спесью
Уже с тех пор язвима не была.

Смирилася семитская гордыня
И в слове русском выстроилась мне,
И с греческою лирой наравне
Передо мной беседует отныне.

О, Суламита! Как растворена
Душа твоя! Как мысль моя пьяна!
Как я люблю тебя, о, Суламита!
Как песнь моя тобой распалена!

5.

Войду к тебе, и мощью первобытной
Дохнёт в лицо душа твоя навстречу,
И образ твой, с мечтой моею слитный,
Пройдёт меня оружием, как меч.

И, поражён, воскликну: «Аллилуйя!
Прекрасна ты! Божествен этот мрак!
В нём от страданья к счастью только шаг.
Но страшен сдвиг за миг до поцелуя.

Какая тьма в глазах моих клубится!
Любовь моя! Ужасен этот смерч,
В котором ты, как в море голубица,
Какой меня преобразует в речь».

6.

О, песнь моя! Завихренная роза!
Ты — выдох вся, и тут же долгий вздох.
Вся — воздух, трепет вся, простоволоса.
Тебя вдохнул в меня никто как Бог.

Дыши во мне, душа, о, Суламита!
Пьяни и преизлейся через край!
Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта,
Лишь этой розой надышаться дай!

7.

Распнися, жено, предо мной, развейся
Душой моей и надышаться дай
Тобой, одной тобой, но оправдай
И эту плоть мою, и мощью в жилы влейся!

Я — твой певец, хвала твоя, певец,
Хвала твоя, и эта аллилуйя —
Лишь ты сама во власти поцелуя,
И в нас поёт незримый нам Творец.

БИОГРАФИЯ

Родился 12 октября 1944 года в Ленинграде. В 1957–1958 гг. пел в хоре Александрово-Невской лавры. Занятие литературой начал в 1960 году в литобъединении «Голос юности», сначала у Давида Дара, впоследствии у Алексея Емельянова. В 1961 году окончил Архитектурно-художественное ремесленное училище. Затем поступил в музыкальное училище им. Мусоргского (класс вокала). Учился у заслуженного артиста РСФСР Владимира Морозова. Параллельно работал маляром, осветителем и статистом в Малом оперном театре (1963–1965), певцом в хоре Ленинградского радио и телевидения под управлением Григория Сандлера (1965–1966). В 1966 (год смерти Анны Ахматовой) оставляет музыкальное училище, окончательно решив посвятить себя поэзии. Устраивается рабочим в Эрмитаж на зимнее время (1966–1970), а летом — в археологические экспедиции по Средней Азии, Архангельской области, в геофизическую экспедицию в Якутию. Конец 60-х ознаменовался судьбоносными встречами с И. А. Бродским и Н. А. Козыревым.

В 1969 году перешёл в литобъединение поэтов при Доме писателей к Глебу Семёнову. Первая публикация была в альманахе «Молодой Ленинград» за 1970 год. В этом же году становится литературным секретарём лауреата Сталинской премии писательницы Веры Пановой (жены Д. Дара), а через год по их рекомендации был принят в профком литераторов при Союзе писателей. С открытием в 1971 году литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, работал некоторое время и секретарём директора этого музея. С 1979 по 1986 — эпоха литературного подполья с неременной работой оператором газовой котельной.

За этот период подготовлены поэтические книги: «Ночное дыхание» (1966–1968), «Возвращение мест» (1969), «Душа города» (1968–1969), «Моление о Чаше» (1970), «Времена года» (1970–1971), «Посох» (1971–1972), «Высокая цель» (1973–1974). В 70-е несколько стихотворений и поэтических переводов были опубликованы в официальных изданиях, однако большинство рукописей расходилось в самиздате. Стихи печатались в машинописных журналах «Обводный канал», «Часы», «37», «Вече» (Москва) и других, а также в зарубежных русскоязычных журналах «Грани», «Время и мы», «Эхо», «Вестник РХД».

В конце 1981 года по инициативе И. Адамацкого, Б. Иванова и Ю. Новикова, по согласованию с управлением КГБ и Ленинградского отделением Союза писателей СССР создается «Клуб-81». Он становится членом этого Клуба в числе 70-ти представителей независимой культуры. Благодаря деятельности «Клуба-81» произошла легализация авторов самиздата. Это новое литературное образова-

ние выпускает в 1985 году в Ленинградском отделении Союза писателей сборник «Круг», в числе авторов которого и Охупкин. Это было его первой официальной публикацией.

Первая книга — «Стихи» — вышла в издательстве «Беседа» в Париже в 1989 году. Первая книга на родине «Пылающая купина» выпущена в 1990 году издательством «Советский писатель». В 1994 вышла третья книга «Возвращение Одиссея» в издательстве «Mitkilibris». В 1995 году стал лауреатом литературной премии Г. Р. Державина. В 2004 году вышла четвертая книга «Моление о чаше» также в издательстве группы «Митьки». Пятая книга стихов «Лампада» выпущена посмертно в 2010 году Международной ассоциацией «Русская культура».

В 1992 принят в Союз писателей Санкт-Петербурга. В период перестройки его стали активно печатать толстые литературные журналы «Звезда», «Нева», «Аврора». Затем интерес к его творчеству пропал.

Был женат дважды. От двух браков имеет дочерей: Мария (1980 г. р.) и Ксения (1989 г. р.)

Умер Олег Охупкин 30 сентября 2008 года. Похоронен на Волковском православном кладбище.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Стихи. — Л. — Париж: Беседа, 1989. — 175 с. Предисловие В. Кривулина.
2. Пылающая купина. — Л.: Советский писатель, 1990. В «Октаве». — 65 с. Предисловие А. Кучерявкина.
3. Возвращение Одиссея. — СПб.: Mitkilibris, 1994. — 80 с. Предисловие А. Арьева.
4. Моление о Чаше. — СПб.: Mitkilibris, 2004. — 104 с. Предисловие А. Арьева.
5. Лампада. — СПб.: Русская культура, 2010. — 190 с. Предисловие Т. Ковальковой

АНТОЛОГИИ

- Сборник «Круг», Л., «Советский писатель», 1985, с. 155–161.
Поздние петербуржцы. СПб, «Европейский дом», 1995, с. 385–397.
Строфы века. Минск-Москва, «Полифакт», 1995, с. 887.
Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. СПб, «Лимбус Пресс», 1999, с. 538.

В Петербурге мы сойдемся снова. СПб, 1993, с.63–77.
У Голубой Лагуны. Том 2 Б и 4 Б.
День поэзии. Л., 1987.

ЖУРНАЛЫ В РОССИИ

Молодой Ленинград: 1970, 1971, 1989.
Аврора: 12 (1977), 2 (1993).
Северная почта: 8 (1981).
Нева: 9 (1987).
Звезда: 9 (1976), 7 (1978), 7 (1991), 4 (1993), 1 (2001), 3 (2002), 8 (2010).
Новый журнал: 4 (1991).
Знамя: 4 (1993), 1 (2001), 3 (2002).
Вестник новой литературы: 7 (1994), 14 (1995).

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ ЗА РУБЕЖОМ

Грани: 103 (1977), 110 (1978).
Эхо: 1 (1979).
Время и мы: 23 (1977), 30 (1978), 34 (1978).
Третья волна: 5 (1979).
Перекрестки: 3 (1979).
Вече: 1 (1981).
Вестник РХД: 134 (1981).
Беседа: 2 (1984).
Стрелец: 2 (1985).
Согласие: 3 (1993).

САМИЗДАТ

«37»: 2 (1976), 3 (1977).
Часы: 8 (1977), 33 (1981), 69 (1987).
Обводный канал: 1 (1981), 3 (1982), 7 и 8 (1986).
Община: 2 (1978).
Майя: 1 (1980), 2 (1981), 3 (1987), 4 (1987), 5 (1990), 6 (1993).
АКТ Литературный самиздат: 3 (2001).

МАЛАЯ КРИТИКА ОБ О.ОХАПКИНЕ

В. Пореш. О стихах Олега Охепкина. Журнал «Община» № 2, 1978.
Д. Дар. Ленинград. Судьба. Поэт. Журнал «Грани» № 110, 1978.
И. Мартынов. Рецензия на книгу «Возвращение Одиссея». «Новый журнал» № 201, 1996.
В. Кривулин. Скромное обаяние поэзии. Цирк «Олимп» № 3, 1996 (о Кушнере и Охепкине).
Т. Ковалькова. Единое на потребу. О реализме поэтических будней Олега Охепкина. Religare.ru, 2008.
С. Стратановский. О поэтическом мире Олега Охепкина. Журнал «Звезда» № 8, 2010.

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРНЕТ ССЫЛКИ

Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Охепкин,_Олег_Александрович
Религия и СМИ. Персональная страница. http://www.religare.ru/25_863.html
Неофициальная поэзия. <http://rvb.ru/np/publication/01text/22/01ohapkin.htm>
Радио Свобода.. <http://www.svoboda.org/content/article/468261.html>
Стихи ру. Духовная поэзия. <http://www.stihi.ru/2010/05/26/3890>
Сумерки Сайгона. www.echomsk.spb.ru/content/interview/default.asp?shmode=3
Персональная страница. <http://vk.com/club50297469>
Журнал «Зинзивер». Петр Брандт. Слово и судьба Олега Охепкина. <http://magazines.russ.ru/zin/2009/1/oo14.html>
Вечер Олега Охепкина в Новом музее на выставке «Беспутные праведники». <http://www.youtube.com/watch?v=k0JyAFP8bCA>
Новая камера хранения. Сергей Стратановский. Поэтический мир Олега Охепкина. http://newkamera.de/stratanovskij/stratanovskij_11.html
Новая литературная карта России. <http://www.litkarta.ru/russia/spb/persons/okhapkin-o-a/>
Антология одного стихотворения: Охепкин. <http://slovolov.ru/1роет/?pid=116>
Портал OPEN Space. Погиб поэт Олег Охепкин. <http://os.colta.ru/news/details/3406/?attempt=1>
Наталия Черных. ОЛЕГ ОХАПКИН. Великий князь поэзии и певчий. <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=3854&PHPSESSID=526597312ea74d446c1d297d2b730d72>
Поэтический портал «На Середине Мира». Город золотой. <http://nattch.narod.ru/index4.html>
Культурная эволюция. О. Константин Кравцов. Об Олеге Охепкине. <http://yarcenr.ru/content/view/22789/286/>
Марко Саббатини. Пафос юродства в ленинградском подполье. <http://www.utoronto.ca/tsq/28/sabbatini28.shtml>
Поэтический альманах «Параллель». www.45parallel.net
Петербургский текст русской литературы. <http://novruslit.ru/spb/>
Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/authors/o/ohapkin/>
Питерский Поребрик: Оксана Рижская. <http://www.porebrik.com/>
Михаил Берг. Academy of Russian rubbish. <http://www.nekropol.com/>
Читальный зал. Тайнозримый мир. <http://reading-hall.ru/publication.php?id=779>
Антология «У голубой лагуны» К.Кузьминского. <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom4b/okhapkin1.htm>
Православный самиздат в Советском Союзе. <http://www.kiev-orthodox.org/site/bookshelf/818/>
Некрополь Санкт-Петербурга и окрестностей. <http://nekropol-spb.ru/main/cemeteries/volkovskoe-pravoslavnoe/okhapkin-oleg-aleksandrovich/>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Тамара Буковская	5
-------------------------------------	---

Конец шестидесятых годов

«Я верую в спасение...»	11
«Мы шли по городу сквозь сон...»	12
«Что неслышно творится во мне...»	13
«Как назвать Вас, любимая?»	14
Посещение	15
Солнечный денёк	16
«Когда глядел я на тебя...»	17
Портрет	18
В грозу	19
«На лице твоём прекрасном...»	20
Возрождение образа	21
Воскресенье	22
Среди июля	24
Октябрь	28
«Дожливый снег. Тоскливая пора»	31
Перед закрытой дверью	32
Делия	34
Прощание	37
Послесловие	38
На память Делии	42
«Не дорог мне воспоминаний бред»	44
Две разлуки	45

Семидесятые годы

«Нет. Ничто уж не вернётся...»	49
Задремавший родник	50
«В субботу это было, в новолунье...»	51
Созерцание	53
Лидия	55
Счастливая песенка	57
К Лидии	59
Почта в Италию	62
Наедине с астрами	64
Десять строф о свойствах воспоминаний	66
Гесперида	69

«Твой образ, время, обратив ...»	71
Воспоминание о розе	73
Пигмалион и Галатея	74
Неуловимые черты	75
«Так чудно к расставанью подошло...»	76

Восьмидесятые годы

«И стало вдруг легко и грустно...»	79
Владение именем	80
«В сердце тихая ясность и слава...»	83
«Всеобъятная тьма и печаль...»	84
«Тебя и в скорби слышу, и в тиши...»	85
«И сердце успокоилось. Надежда»	86

Девяностые годы

Зимний рай	89
Снегопад	90
На кухне	92
Метель	94
На даче	96
«Берёзы не шелохнут...»	99
«Над лесом звёздочка мерцает...»	101
«Медлительной чредой – за днями дни...»	102
«Всю ночь шуршит отпад...»	103
«В доме музыка и тепло...»	105
«Несчастен человек в разлуке с милой...»	106
Дрёма	107
«Тишина. Хорошо мне в тиши...»	110
«Каркают вороны...»	111
«В тёмных тучах мирозданье...»	113
«Вечор летали ласточки и щебет...»	115
«Что-то тайное в небе вершится...»	116
«Любовь последняя для сердца...»	117

Семь песен единой песне. <i>Поэма</i>	118
---	-----

Биография	122
Библиография	123

Олег Охупкин

любовная лирика

Ответственный редактор

Т. И. Ковалькова

Верстка

В. Ф. Недвецкий

Корректурa

Т. Н. Лапина

Союз писателей России

Санкт-Петербург

2013

НП «Международная ассоциация «Русская культура»

195220, СПб., Гжатская ул., д. 21

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11

Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57

E-mail: info@russkymir.org

Подписано в печать **00.00.2013 г.** Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. **8**

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № **000**

Отпечатано с электронного оригинал-макета, предоставленного издательством
в типографии ООО «Таро»

199106, Санкт-Петербург, В.О., 24 линия, д. 1

тел./факс: (812) 438-19-65 E-mail: tarospb@yandex.ru